

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

Суть времени

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени». Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно по телефону 8-800-100-97-24 (звонок бесплатный), podpiska@eot.su

6 ноября 2013 г.

№53

Оглавление

Колонка главного редактора	6
Право на праздник	7
Экономическая война	18
Становящийся «путинизм»: развёр- тывание клановой войны	19

<i>ОГЛАВЛЕНИЕ</i>	2
Информационно-психологическая война	39
По следу ОМС	40
Классическая война	60
Наука и обороноспособность в России. Военные инженеры	61
Наша война	80
Человечина под соусом аполитичности — 3, или О социальной ответственности учёных	81

ОГЛАВЛЕНИЕ	3
Социальная война	119
Обоюдоострая инклюзия	120
Война с историей	140
Потребистория — 2	141
Мироустроительная война	159
Саудовский демарш	160
Концептуальная война	181
Теория элит и неравенство — от концептов к идеологии	182

ОГЛАВЛЕНИЕ	4
Война идей	203
«Новый наряд короля», или О специ- фической пользе размытости по- нятия «толерантность»	204
Диффузные сепаратистские войны	224
«Либеральная песня» о регионализ- ме, или Повторение пройденного	225
Метафизическая война	245
Судьба гуманизма в XXI столетии	246

<i>ОГЛАВЛЕНИЕ</i>	5
Культурная война	302
Пролеткульт и рабочий университет	303

Колонка главного редактора

Право на праздник

Гегель сказал бы, что общество наше (советское, постсоветское) не выполнило задания духа истории, предложившего этому обществу нечто для полноценного осмысления

7 ноября 2013 года мы отметим 96-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. А всего лишь через четыре года — её столетие. Чуете?

К столетнему юбилею Великой Французской буржуазной революции немереным трудом французских мыслителей была завоёвана определённая историческая умудрённость.

К счастью для человечества, не любая умудрённость приводит к бесстрастию. Порой умудрённость даже наращивает энергию тех или иных страстей, но она, безусловно, придаёт этой энергии новое качество.

То, как мы подходим — а ведь мы всё ближе подходим, — к столетнему юбилею своей Революции, вполне сопоставимому с тем, который отмечала Франция в 1889 году, говорит об очень многом. Гегель сказал бы, что общество наше (советское, постсоветское) не выполнило задания духа истории, предложившего этому обществу нечто для полноценного осмысления. Увы, полноценного осмысления нет. При этом по-прежнему бушуют страсти, не облагороженные никаким осмыслением. Более того, бушующие страсти с каждым годом становятся всё более вульгарными. Даже более вульгарными, чем в каком-нибудь 1919 году.

Но ведь тогда такая агитпроповская вульгарность была оправдана.

И потому, что — ну как тут не вспомнить строки Есенина! — *«Лицом к лицу лица не*

увидать. Большое видится на расстоянии». И впрямь ведь не может такое большое историческое событие, как революция, изменившая облик страны и мира, быть адекватно оценено, что называется, по горячим (и, мягко говоря, небескровным) его следам. Даже если ты подавишь в себе все страсти, связанные с тем, что тобой утрачено, тобою же обретено, с тем, что порою и обретено, и утрачено одновременно... Словом, даже если ты подавишь все эти страсти, тебе просто не хватит этой самой исторической дистанции для адекватной оценки произошедшего. В твоей оценке никогда не будет мудрости, и уж тем более умудрённости (а мудрость и умудрённость — это совсем не одно и то же). Твоя оценка может быть пророческой, невероятно глубокой, но она не может быть, повторяю, ни мудрой, ни умудрённой.

А поскольку ты никогда не подавишь в себе все страсти, поскольку страсти эти разжигает война — то ты тем более не будешь способен к умудрённым, взвешенным оценкам. Ведь в огне и впрямь брода нет.

Защитникам революции надо мобилизовать население на защиту её завоеваний. И потому им не до объективности. Но ведь и врагам революции надо мобилизовать население — в диаметрально противоположном направлении, разумеется.

Вот и скукоживается всё до мобилизационных карикатур.

Тем более, что именно скукоженное востребовано и ожесточением масс, проливавших моря крови на бессмысленных фронтах Первой мировой войны. И тем, в какой мере эти массы отчуждены от всего того, что могло бы способствовать иному их отношению к

происходящему — более взвешенному и глубокому. Правящий класс не удосужился приобщить массы к образованию и культуре. И был обречён пожинать плоды этой неприобщённости.

Но ведь прошло почти сто лет. Почти сто лет, понимаете? Россия стала страной всеобщего среднего образования. Давным-давно упокоились в земле те, у кого революция отобрала заводы и поместья, кого обожгла, так или иначе, своим огненным дыханием. И что же? Современный антикоммунистический агитпроп — яростнее и вульгарнее денин-кинского или врангелевского агитпропа. Да и защитники величия Октября отнюдь не чураются такой же (конечно, с точностью до наоборот) агитпроповской упрощённости.

Гражданская война продолжается? Но если она продолжается на протяжении почти

ста лет, то дело плохо. . . Как пели известные советские рок-музыканты, «эта музыка будет вечной, если я заменю батарейки». Сколько раз во время дискуссий со Сванидзе и Млечиным я, человек эстетически чуждый рок-культуре, вспоминал именно эти строки! И, разумеется, надрывный припев: «*Если* я заменю батарейки! *Если* я заменю батарейки!»

Вот почему в этот праздничный, а не траурный для нас день, давайте хотя бы вкратце обсудим философию революции. Ведь что говорят враги любых революций — и Великой Октябрьской в том числе? Что неизбежные революционные ужасы ничем не окупаются. Во-первых, потому что в принципе ужасы никогда ничем не окупаются. Об этом говорят либералы, совершившие самую паскудную суррогатную революцию в истории человечества — ельцинско-горбачёвскую пере-

стройку. Ссылаются они при этом на авторитет крайне нелюбимого ими Достоевского. Мол, это он сказал о том, что никакие свершения не искупают единой слезы ребёнка. На самом деле это сказал не Достоевский, а его герой Иван Карамазов. Ну да ладно.

Признаем, что слеза ребёнка — тяжкий груз, который кладёт революция на весы истории. Кое-кому — и мне, конечно же, в том числе — близка позиция народовольца Петра Якубовича, написавшего прекрасные строки:

*О, как горит звезда неведомого счастья,
Как даль грядущего красна и широка,
Что значит перед ней — весь этот мрак
нечаянья,
Всех этих мук и слёз безумные века.*

Но я понимаю, что когда тебя допрашивают в ревтрибунале или в контрразведке Деникина, Врангеля etc (вспомним у Булгакова

— «горит в ночи игла»), то строки эти могут и не перевесить прозу жизни. Тем более если это касается твоих близких, чьи судьбы кто-то лихо решает. Или если ты сам должен так же лихо разбираться с чужими судьбами (что для многих ничуть не менее тяжело).

А потому не будем выводить за скобки аргументы тех, кто говорит о слезе ребёнка, ссылаясь на использование двойных стандартов, на очень лукавую адресацию к Достоевскому и так далее.

Не будем говорить о том, что горе происходит не только из революции, но и из того, что творит эгоизм и бездарность правящих классов, подталкивающих народ к революции. Ведь эти классы порождали и порождают (в той же Африке, Латинской Америке и так далее) горе и смерть миллионов и миллионов детей, не правда ли? Да и у нас в

России. . . «Русский крест» — это тоже горе и смерть миллионов. И тем не менее, при всей силе этого аргумента, не он является ключевым 7 ноября 2013 года.

Ключевым является аргумент о срыве резьбы. Правящие классы тогдашней России сорвали резьбу. Они не смогли обеспечить любого, даже самого небезупречного существования российского государства. А потому большевикам в историческом смысле нельзя предъявить никакой претензии по поводу слёз и крови. Потому что большевики пришли к власти в ситуации полного истощения. И могли либо спасти страну от полного уничтожения, пролив много крови и породив много слёз, либо не спасти страну. И тогда крови и слёз было бы не просто намного больше. Ничего бы не было, кроме крови и слёз.

Большевики сумели спасти Отечество.

Честь и хвала им за это.

Да здравствует Великая Октябрьская социалистическая революция!

С праздником, товарищи!

До встречи в СССР!

Сергей Кургинян

Экономическая война

Становящийся «путинизм»: развёртывание клановой войны

Команда Путина вовсе не собиралась покорно ждать «староельцинского» реванша, отлучения «путинцев» от власти и собственности и возвращения «староельцинских» к дерибану

Гусинский и Березовский

Кланы, сделавшие ставку на Путина, начали решать задачу восстановления жизнеспособного состояния дойной коровы под названием «Россия» сразу после завершения наиболее горячей фазы второй чеченской

войны. И поставили эту задачу как задачу выстраивания — под своим руководством, разумеется, — политической и экономической «вертикали власти».

Уже в феврале 2000 г., во время своей предвыборной президентской кампании, Путин провозгласил требование «равноудалённости олигархов от власти». То есть от принятия политических и экономических решений.

В мае 2000 г. Путин подписал указ о создании в России федеральных округов, а также о назначении в них Полномочных представителей президента. Полпредам и их аппарату была определена задача приглядывать за политической и экономической ситуацией в регионах и, прежде всего, за поведением в них олигархии и региональных «баронов».

Осознавая масштаб сопротивления сво-

им действиям, направленным на реальную трансформацию всей предыдущей — и весьма живучей — системы, Путин стал осторожно продвигать во власть представителей своей — достаточно сплочённой — команды, которую довольно быстро окрестили «питерскими» и «чекистами».

Этот проект был очень рискованным, поскольку все этажи власти были буквально «пропитаны» ставленниками предыдущего олигархического пула, людьми не слабыми и очень активными.

Для успеха его начинания В. Путину нужна была прежде всего «экономическая вертикаль». Поскольку без неё нельзя было решить проблемы с бюджетом (и, значит, «рассосать» угрожающие власти социальные проблемы). И без неё нельзя было решить проблемы с внешним долгом, также чреватые серьёзны-

ми системными рисками.

Начали «путинцы» с таможенной реформы, поскольку низкий уровень таможенных сборов на исходе 90-х годов стал одной из главных бюджетных дыр. Способствовало этому крайне запутанное и коррупциогенное таможенное законодательство, в котором практически по каждой группе товаров было несколько разных уровней обложения импортной пошлиной — от нулевого до 30%. Например, куриные окорочка (знаменитые «ножки Буша») облагались высокой ввозной пошлиной, а окорочка индейки — низкой. И импортёры массово ввозили курятину, выдавая её за индюшатину. Огромная разница в пошлинах на автомобили и на запчасти к ним провоцировала импортёров ввозить автомобили под видом запчастей, и так далее.

Таможенная реформа, во-первых, унифици-

цировала большинство пошлин и снизила их максимальный уровень (особенно важно это было для технологического оборудования, которое к тому времени уже не производилось в нужном количестве и качестве в России). Во-вторых, в результате реформы в списке ввозимых беспошлинно товаров остались только немногие «социально значимые» (инсулин, инвалидные коляски и т.п.). Это, наряду с усилением таможенной службы, уже в 2001 г. дало, в результате легализации импорта, ощутимый прирост таможенных платежей. И заодно слегка прижало бизнес олигархов-импортёров.

Но прижало лишь слегка. Как мы уже писали ранее, экономические возможности олигархов ельцинской эпохи решающим образом определялись тем, что через их частные банки текла львиная доля государственных фи-

нансовых поступлений (таможенных, налоговых, приватизационных, кредитных). Напомню, что именно возможность распоряжаться этими государственными деньгами позволила «староельцинским» олигархам провернуть спецоперации «залоговые аукционы» и «дефолт».

Команда Путина начала ослаблять и этот «олигархический» ресурс. В конце 2000 г. был переведён на казначейское обслуживание (то есть из частных банков в государственные) Таможенный комитет. А начиная с 2001 г. полпреды президента в округах стали всё более жёстко требовать от власти республик и областей России передавать из частных банков в казначейство обслуживание региональных бюджетов.

В этот момент «староельцинские» кланы забеспокоились всерьёз. Ведь их частные бан-

ки, через которые текли ключевые финансовые ресурсы страны, были важнейшим звеном в механизмах кланового контроля экономики и, одновременно, одним из главных инструментов расширенного воспроизводства её олигархической «дойки».

Совсем сильно старые кланы беспокоились, когда заодно началась налоговая реформа, которую обрамляло усиление налоговой службы и налогового контроля. Поскольку предварял налоговую реформу представленный в декабре 2000 г. доклад Министерства экономики и Министерства по налогам и сборам, который, в частности, заявлял, что *«результаты проверки нефтяных компаний выявили масштабное сокрытие их прибыли»*.

Однако в тот момент никаких санкций в адрес ельцинских кланов нефтяных олигар-

хов не последовало. На контроль над нефтью — этим главным экспортным потенциалом страны (и одновременно ключевым, уже почти полностью приватизированным экономическим ресурсом «староельцинского» кланового пула) — «путинцы» в тот момент не посягнули. Единственное, что было сделано в это время, — изменение порядка налогообложения добычи нефти, для нефтяных олигархов не слишком чувствительное.

Главной целью налоговой реформы был назван вывод из тени большинства налогов, формирующих бюджеты — федеральный и региональные.

Цель была, конечно, благая и амбициозная, но с очень сомнительными шансами на реализацию. Ведь даже в наиболее развитых капиталистических странах с их вековыми традициями законопослушания граж-

дан и массовой опытной налоговой бюрократией полностью вывести бизнес из безналоговой тени никогда не удавалось. В России же не было ни законопослушания, ни опытной налоговой бюрократии. Был лишь постсоветский налоговый опыт, показывавший, что как ни меняй фигуры на каждом ответственном месте, российская рыночная бюрократия всё равно «договорится» с бизнесом в своих коррупционных интересах.

Двинувшись по этому проблемному налоговому пути, власть отдавала себе отчёт в том, что многие выползающие из кризиса предприятия, обременённые долгами и неплатежами, высокие налоги действительно «не тянут». Возможно, поэтому налоговая реформа пошла по линии максимального упрощения налоговой системы (число налогов было сокращено с 54 до 15) и ликвидации в ней

большинства различных «особых условий» и льгот, а также по линии снижения уровня части налогов, образующих ядро федерального и региональных бюджетов.

В 2001 г. были отменены налоги на содержание жилфонда и социально-культурных объектов, на приобретение автотранспорта, затем налог с продаж и налоги с оборота. «Социальные» налоги и страховые взносы предприятий были сведены в единый социальный налог. В 2002 г. ставка налога на прибыль предприятий, ранее доходившая до 35%, была снижена до 24%. Была установлена плоская шкала налогообложения физических лиц: подоходный налог, вне зависимости от того, получал человек зарплату в 10 тыс. рублей или доход в 500 тыс. рублей, составил 13%.

А в декабре 2001 года был принят «Закон о приватизации государственного и муни-

ципального имущества», который — впервые за 10 лет «рыночных реформ» — устанавливал в сфере приватизации более-менее понятные правила игры. В законе, конечно, было немало «юридических лазеек» для его нарушения. Однако по нему, во-первых, президенту передавалось право формировать перечень стратегических активов России и принимать решение о возможности или невозможности их приватизации. И, во-вторых, — что опять-таки сильно обеспокоило старую олигархию — прописанный в законе порядок приватизации давал достаточные юридические основания для её признания законной или незаконной.

А одновременно происходило расширение полномочий (и активности) правоохранительных органов в части преследования экономических (тарифных, налоговых, привати-

зационных) преступлений.

И уже в 2002 г. в СМИ появились заявления о том, что путинская война с олигархами начинает приносить свои плоды.

Плоды заключались в том, что экономика России действительно начала выбираться из кризисно-дефолтной ямы. Собираемость налогов и таможенных платежей действительно повысилась, ВВП действительно рос, и бюджет 2002 г. — впервые за постсоветские годы — был не на бумаге, а в реальности исполнения профицитным, то есть с превышением доходов над расходами.

Конечно, нельзя приписывать все эти «плоды» успешной экономической политике Путина и его войне с олигархами. Решающим фактором была обвальная девальвация рубля. Именно девальвация существенно освободила внутренний рынок от импорта, позво-

лила загрузить простаивавшие мощности заводов, запустила промышленный рост и дала предприятиям возможность получать прибыль. Как результат — происходила «расшивка» долгов и неплатежей, резко сокращались бартерные расчёты (их доля к 2002 г. снизилась с кризисных 50% до 8–15%), шло восстановление кооперационных цепочек заказов на товары и сырьё. И у предприятий появлялись деньги для того, чтобы платить зарплаты работникам и налоги государству.

Но и таможенная и налоговая реформы, а также реформа организации государственных финансов внесли в эти процессы свой вклад. В итоге сумма девальвации и действий команды Путина «перезапустили» промышленность. Возник профицитный бюджет, и в большинстве регионов начали регулярно выплачивать (недопустимо скудные, но хотя бы

вовремя) зарплаты, пенсии и пособия.

Вот тут-то СМИ (которые после «нивелирования» Гусинского и Березовского утратили своё почти полное «староолигархическое» единодушие) громко заговорили о том, что «Россия поднимается благодаря борьбе Путина с олигархами». А эти заявления олигархам были явно поперёк горла. Они всё более убеждались в том, что Путин, которого они продвигали во власть как «своего» преемника Ельцина, их предал. Заявил о «равноудалении олигархов», но стал постепенно удалять тех, кто его поставил, и приближать совсем других. И, главное, начал всё более решительно ломать «правила дойки России», которые, как «преемник», должен был соблюдать и охранять.

«Староолигархический» клановый пул не мог не отреагировать на такой поворот собы-

тий. Как не могли на это не реагировать и те западные партнёры «староолигархов», которых тенденции «дерибана» времён Ельцина более чем устраивали. И этот союз «староолигархов» и их западных союзников начал искать решения возникшей «проблемы Путина».

Причём решения требовались кардинальные и достаточно оперативные, поскольку Путин осторожно, но неуклонно сдвигал российский «властный рельеф» от прежнего доминирования «староолигархического» кланового пула — к равновесию с «новопутинскими» клановыми группами. А значит, впереди маячила перспектива безраздельного доминирования «путинцев». И, видимо, конец «староельцинского дерибана».

Как именно «староельцинские» кланы хотели решить «проблему Путина», в деталях

рассказывают только осведомлённые очевидцы и только конфиденциально. Хотя уже в 2002 году в российских и зарубежных СМИ появились публикации, в которых суперпрезидентская республика, созданная в России принятием Конституции 1993 г., объявлялась анахронизмом. И звучали призывы изменить Конституцию и перейти к полупарламентской республике по образцу Франции или даже к парламентской республике по образцу Италии или Германии, где президент имеет лишь номинальную власть, а реальным главой исполнительной власти является премьер-министр, избираемый парламентом. Появлялись и статьи, где образцом для политических преобразований в России называлась «парламентская» конституционная монархия по образцу Великобритании или Швеции.

А в мае 2003 г. «Совет по национальной стратегии», возглавляемый С. Белковским, предъявил обществу доклад, который (в стиле так называемой докладной записки) сообщал стратегию клановых оппонентов Путина.

Подробно цитировать этот доклад здесь не место. Суть же изложенной в нём стратегии «староельцинских» кланов состояла в следующем:

- завершить «скупку» власти в ключевых регионах за счёт делегирования в их руководство ставленников олигархии;

- завершить установление финансового контроля над главными политическими партиями — от «Союза правых сил» и «Яблока» до «Единой России» и КПРФ;

- в ходе выборов осени 2003 г. получить подконтрольную олигархам Госдуму, а также лояльные парламенты большинства реги-

онов;

— в 2004 г. изменить Конституцию, превратив Россию из президентской республики в полупарламентскую.

В этот момент команде Путина уже было известно (разумеется, не из докладов частных аналитиков, которые лишь озвучивали имеющуюся у «путинских чекистов» оперативную информацию), что олигархия «ельцинского разлива» и впрямь активизирует продвижение своих ставленников в региональную власть а также наращивает контроль (финансовый и не только) в ключевых политических партиях.

Поскольку «староельцинские» олигархи действовали на редкость грубо и явно, команда Путина знала и о том, что существует план властного переворота, и о том, что идёт лихорадочная скупка «староельцинскими» кла-

нами фигур политической и партийной власти в Москве и регионах, и о том, что «штаб переворота» возглавляет М. Ходорковский, и о проекте превращения России в парламентскую республику.

Команда Путина, разумеется, вовсе не собиралась покорно ждать «староельцинского» реванша, отлучения «путинцев» от власти и собственности и возвращения «староельцинских» к дерибану только-только набирающей минимальный «жирок» государственной «дойной коровы». «Новопутинские», конечно же, не могли не ответить на вызов.

Как это происходило — мы обсудим в следующей статье.

Юрий Бялый

Информационно- психологическая война

По следу ОМС

Усиливая «русскую тему», Сталин завязал диалог с «белыми», в том числе, белоэмигрантскими кругами (не принимавшими интернационалистского, космополитического посыла идеи мировой революции)

Ю.В.Андропов

В прошлой статье мы обсудили, что победа Сталина и поражение Троцкого в ключевом вопросе о пути развития СССР (ориентироваться ли на построение социализма в одной отдельно взятой стране — или же на мировую революцию) привели к существенным трансформациям в Коминтерне. Значительное число сторонников Троцкого и других представителей оппозиции были из этой организации удалены, Коминтерн в существенной степени взят под контроль Сталиным и его сторонниками. Интересующий нас Куусинен чётко следовал сталинской линии, и позиции в Коминтерне сохранил.

Построение социализма в одной, отдельно взятой стране было невозможно без адресации к теме патриотизма и к «русской теме», ибо только русские могли скрепить и объединить огромное многонациональное простран-

ство Советского Союза. Усиливая «русскую тему», Сталин завязал диалог с «белыми», в том числе, белоэмигрантскими кругами (не принимавшими интернационалистского, космополитического посыла идеи мировой революции). Так в разветвлённую международную коминтерновскую сеть, сосредоточенную в руках Куусинена и ряда других коминтерновцев, оказалась включена не только накалённо «красная», но и «белая» компонента.

Что означало включение этой компоненты в систему? Что «белое» переплавлялось в «красное»? Или что при добавлении «белого» элемента происходило — назовём это так — уменьшение концентрации «красного» раствора, снижение (пусть не во всей системе, но в отдельных её сегментах) накала красной идеологии?

Более того, коль скоро различные струк-

туры Коминтерна (и прежде всего, Отдел международных связей) фактически выполняли функцию разведки, им приходилось плотно взаимодействовать не только с союзниками (каковыми стали некоторые белоэмигранты), но и с прямым врагом, например, фашистскими кругами. Этот враг, будучи сам идеологически накалённым, тоже оказывал воздействие на систему. Во всяком случае, известны примеры прямого перехода коминтерновцев в фашистские ряды. Но ведь результатом перевербовки совсем не обязательно является открытый переход в стан вчерашнего врага. Гораздо чаще перевербованные не обозначают публично своей новой идеологической ориентации и сохраняют позиции внутри системы, которой прежде служили.

А ещё нужно было выстраивать глубокие отношения с идеологическим противником.

Например, обширная сеть тайных торговых предприятий Коминтерна просто не смогла бы существовать, если бы сотрудники этих предприятий не сумели органично вписаться в капиталистическую среду и годами существовать по её законам.

Несомненно, что огромное число коминтерновцев было беззаветно предано коммунистической идее и внесло огромный вклад в историю XX века, в том числе, в годы Второй мировой войны. Но несомненно и то, что коминтерновское «хозяйство», к которому Куусинен имел самое непосредственное отношение, содержало фрагменты, подвергшиеся той или иной эрозии и мутировавшие.

В прошлой статье мы проследили несколько этапов реорганизации одной из ключевых структур Коминтерна — Отдела международных связей (ОМС). Пройдёмся

ещё раз по следу ОМС. Напомню, что сначала, в 1936 году, ОМС был преобразован в Службу связи Секретариата ИККИ (Исполнительного комитета Коминтерна). На следующем этапе, после роспуска Коминтерна в 1943 году, — в Отдел международной информации ЦК ВКП (б). Затем, в конце 1945 года, — в Отдел внешней политики во главе с М. Сусловым. При этом многие значимые позиции в указанных структурах сохранялись за бывшими коминтерновцами.

В марте 1953 года, то есть вскоре после смерти Сталина, возник Отдел ЦК КПСС по связям с иностранными коммунистическими партиями, преемственный по отношению к вышеперечисленным структурам. Он заведовал отношениями со всеми компартиями — как правящими, так и не находящимися у власти. В 1955 году главой этого Отдела был

назначен В. Пономарёв, выходец из Коминтерна (в 1936–1943 гг. он являлся помощником генерального секретаря Исполкома Коминтерна Г. Димитрова).

Венгерские события 1956 года привели к тому, что данный Отдел был разделён в феврале 1957 года на Международный отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими партиями капиталистических стран (возглавивший его В. Пономарёв сохранял этот пост вплоть до 1986 года) — и Отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Руководителем последнего стал Ю. Андропов, бывший во время венгерских событий послом в Венгрии.

Вскоре, в июне 1957 года, О. Куусинен был назначен секретарём ЦК КПСС по международным делам. Таким образом, он оказался

непосредственным начальником Ю. Андропова.

Необходимо отметить, что к этому времени между Куусиненом и Андроповым существовали уже многолетние отношения. Куусинен с 1940 года руководил Карелией: в 1940–1956 гг. был 1-м председателем Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР (КФССР), затем, после преобразования КФССР в автономию, — 1-м председателем Президиума Верховного Совета Карельской АССР. А Андропов последовательно занимал при нём посты 1-го секретаря ЦК ЛКСМ КФССР (1940–1944 гг.), 2-го секретаря Петрозаводского горкома ВКП (б) (1944 – январь 1947 гг.), 2-го секретаря ЦК коммунистической партии КФССР (с января 1947 года).

В июне 1951 года Куусинен оказал Андропову содействие, и тот был переведён в Моск-

ву, в аппарат ЦК партии — на должность инспектора ЦК, курировавшего работу прибалтийских республик. С этого момента начинается вхождение Андропова в большую политику. В 1953 году он перешёл на работу в МИД, в 1954–1957 гг. являлся послом в Венгрии и принимал активное участие в разрешении венгерского кризиса (этот кризис, как мы помним, во многом являлся следствием XX съезда, а его разрешение имело тяжёлые последствия и для международного авторитета СССР, и для мирового коммунистического движения). А сразу после этого возглавил вышеупомянутый Отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран (или, как его ещё называют, Отдел по соцстранам). И вновь оказался под началом О. Куусинена — на сей раз как секретаря ЦК КПСС по международ-

ным делам. (После смерти Куусинена в мае 1964 года Андропов — к тому времени секретарь ЦК — останется единственным секретарём ЦК по международным делам. Отделом по соцстранам он будет руководить до мая 1967 года, то есть вплоть до своего назначения на должность Председателя КГБ СССР).

Секретарь ЦК КПСС по международным делам — фигура крайне важная. Ибо в СССР идеологический момент играл в ведении международных дел огромное значение. А Куусинен оказывал на идеологическую сферу самое непосредственное влияние.

Считаясь марксистом-теоретиком, Куусинен редактировал учебник «Основы марксизма-ленинизма», выхолащивая дух марксизма (о том, что под руководством «ревнителей» марксизма подлинный Маркс остался неведом и недоступен большинству

граждан СССР, не раз писал С. Кургинян). Для создания одной из глав этого учебника Куусинен привлёк заинтересовавшего его Ф. Бурлацкого (позже Бурлацкий достанется Андропову «по наследству», о чём будет сказано ниже)...

Куусинен сыграл значительную роль в формировании Программы КПСС 1961 года, принятой XXII съездом — переломным съездом, проголосовавшим за вынос тела Сталина из Мавзолея и за то, что коммунизм в СССР будет построен в ближайшее двадцатилетие. В Программе указывалось, что главная задача этого двадцатилетия — достичь такого уровня жизни советского народа, *«который будет выше, чем в любой капиталистической стране»*. Коммунизм, таким образом, оказался сведён к изобилию благ — прежде всего, материальных (Эрих Фромм, как мы

помним, назвал такую странную интерпретацию коммунизма «гуляш-коммунизмом»)...

А теперь о Ф. Бурлацком. В декабре 1963 года Андропов обратился в секретариат ЦК КПСС с просьбой разрешить создание подотдела информации, в который вошли бы работающие в Отделе по соцстранам консультанты, готовящие *«наиболее ответственные документы по общим вопросам развития мировой социалистической системы и укрепления её единства, а также пропагандистские материалы»*. В январе 1964 года такой подотдел был создан, и его как раз и возглавил Бурлацкий.

В мае 1964 года в группу консультантов Андропова вошёл Г. Арбатов. Относительно недавно, в 2008 году, Арбатов поведал в интервью журналу «Русская жизнь» (см. выпуск от 01.02.2008), что до 1964 го-

да он, являясь сотрудником журналов «Коммунист» и «Проблемы мира и социализма», а позже — Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР, неофициально консультировал Куусинена. Таким образом, Арбатов, как и Бурлацкий, — «наследство» Куусинена, доставшееся Андропову. В дальнейшем Арбатов возглавил Институт США и Канады.

В числе андроповских консультантов — А. Бовин (который называл свой отдел так: «отдел по навязыванию советского опыта строительства социализма»), Г. Шахназаров (будущий помощник Горбачёва), Л. Делюсин и другие персонажи, сыгравшие весьма заметную роль в годы перестройки. А. Бовин вспоминал: *«С Андроповым было интересно работать... Его не смущали неожиданные, нетрафаретные ходы мысли».*

То, что из «андроповской шинели» вышло много либералов-перестройщиков, очевидно. И вот связь Андропова с «русской темой» уже не столь очевидна, хотя сохранилось множество прямых указаний на эту связь. Мы не будем обсуждать сейчас отношение Андропова к данной теме. Важно, что он прекрасно осознавал её значение — и активно работал с ней.

Предоставим слово Л. Делюсину. В интервью «Либералы из «андроповской шинели» (см. газету «Совершенно секретно» от 31.03.2011) Делюсин рассказывает, в частности, такой эпизод. В 1964 году хороший знакомый Делюсина — художник Ю. Васильев, делавший декорации к спектаклю Ю. Любимова «Павшие и живые» в Театре на Таганке, — сообщил Делюсину, что этот спектакль закрывают. И попросил его принять Люби-

мова. В то время Делюсин был «фрондирующим коммунистом», а по совместительству — сотрудником ЦК КПСС. Конкретнее — андроповского Отдела по связям с коммунистическими и рабочими партиями соцстран. Васильев привёл Любимова к Делюсину домой. На встрече присутствовали также сослуживцы Делюсина Бовин и Арбатов. О чём же шёл разговор?

«Главный упрёк в адрес Любимова был в том, что он ввёл в спектакль много евреев. В текст пьесы. И мы советовали разбавить этот список русскими поэтами, чтобы смягчить этот вопрос... Любимов с нами согласился и включил ещё русских поэтов. А потом мы ходили к Андропову... В те годы антиеврейская тема ещё была жива. Все руководители нашего государства и партии были настро-

ены против евреев. Мы старались объяснить это Любимову и хоть этим ему помочь... После встречи с Любимовым... я пошёл к Андропову и попросил его принять Любимова, которому требуется помощь в связи с закрытием спектакля... В ту пору мы себя очень свободно чувствовали в андроповском отделе. У нас в отделе между референтами, консультантами и руководством сложились откровенные отношения. Мы открыто обсуждали все проблемы и темы. Андропов боялся только одного: чтобы всё, о чём мы говорим внутри отдела, не выносилось нами наружу. Такой страх у него был. И мы, конечно, о наших разговорах с Андроповым нигде не рассказывали».

И далее: «... другой раз я помогал Любимову со спектаклем «Высоцкий»... Его

запретило Министерство культуры. Любимов не мог найти общего языка с Сусловым... А я знал Суслова хорошо... И я сказал, что к Суслову обращаться бесполезно, так как он стопроцентный сталинист. И что надо обращаться опять же к Андропову, который к тому времени был уже председателем КГБ... Мы поехали к Капице. Пётр Леонидович дал нам вертушку. Любимов позвонил по вертушке Андропову... Андропов разговаривал с ним очень подробно. Это была пятница. И сказал, мол, приходите завтра в Министерство культуры и там всё решат в вашу пользу. Юрий Петрович... спросил: «В субботу? А они будут на работе?». А у Андропова, как оказалось, во время этого разговора сидел Филипп Денисович Бобков. И он дал команду

Бобкову. Бобков на следующий день всех собрал в Министерстве культуры... И там было решено спектакль дать».

Итак, Делюсин, вторя Байгушеву, утверждает, что *«в те годы антиеврейская тема была ещё жива»* (жива со времён Сталина — то есть со времён борьбы с космополитами, «дела врачей» и т.п.) и что *«руководители нашего государства и партии были настроены против евреев»*... Что консультанты Андропова провели с политически наивным Любимовым соответствующую разъяснительную работу касательно антисемитских взглядов высшего руководства, после чего уломали своего шефа вступить за гениального режиссёра (а далее — по указанию Андропова — за Любимова вступался уже Бобков)... Что со сталинистом (читай — антисемитом) Сусловым найти общего языка

было нельзя — то ли дело Андропов...

Вытекает ли из всего вышесказанного, что Андропов был антисталинистом и либералом? Или речь всё же идёт о какой-то более сложной композиции — композиции, при которой оказался возможным стратегический союз Андропова и Бахтина? А ведь последнее никак не отнесёшь к либералам.

Об этом — в следующей статье.

Анна Кудинова

Классическая война

Наука и обороноспособность в России. Военные инженеры

Российская концепция инженерного образования была целостной. Русские инженеры были в такой же степени людьми науки, как и людьми культуры, как и техническими специалистами

Игорь Сикорский на испытаниях своего самолёта, 1910 г.

Описывая в предыдущих статьях историю взаимовлияния науки и военного дела в России, мы не упомянули о двух принципиальных вопросах. Первый из них — внедрение. Необходимо обсудить, как новые научные открытия и исследования переходили, так ска-

зять, «в войска». Насколько системно и последовательно это осуществлялось, какие механизмы для этого существовали.

Второй вопрос вытекает из первого. Для того чтобы отбирать нужные для военного дела достижения науки, между наукой и армией должен был существовать квалифицированный посредник. Этот посредник должен был представлять собой определённую корпорацию людей, заинтересованных в поиске пригодных для военного дела научных открытий, разбирающихся в сути этих научных открытий, а затем и воплощающих их в конкретных изделиях или проектах.

Конечно, огромную роль в этом посредничестве играли сами учёные. Как мы уже говорили, при непосредственном и плодотворном участии отечественных учёных, членов Академии наук, в военное дело внедрялось боль-

шое количество открытий и изобретений, военному ведомству передавались результаты их исследований. Более того, благодаря нашим учёным зародились и получили развитие целые отрасли военных наук — «дублёры» гражданских. Например, в области общественных наук появились теория военного права, военная педагогика, зачатки военной психологии. Естественные науки дали военную географию и картографию, военную геодезию, военную навигацию, военную медицину и др. Этот процесс начался с середины XVIII века, продолжался весь XIX век и длится до сих пор.

Однако при всём благотворном влиянии гражданских наук на своих военных дублёров, при всей одухотворённости учёных патриотическим чувством оказания помощи родной стране, о системности их влияния на тех-

ническое перевооружение армии говорить не приходилось. Ведь учёный-теоретик, занятый «чистой» наукой, не всегда мог практически помочь военным приспособить его открытие или изобретение для их нужд. Более того, в силу незнания военной специфики, учёный вообще мог не понимать и не предвидеть, что его открытие может стать важным элементом обороноспособности страны.

Нужен был, повторим, квалифицированный посредник, переходное звено между наукой и военным делом. Таким посредником и переходным звеном стала военно-инженерная наука, а корпорацией людей, имеющих одновременно как научные, так и военные знания — военные инженеры.

Но российские военные инженеры не только осуществляли посредничество между наукой и военным делом. Другой их важнейшей

заслугой было то, что именно инженеры фактически создали военно-промышленный комплекс Российской империи, а затем и Советского Союза. Об этом мы скажем чуть ниже, а сейчас кратко опишем историю становления инженерного корпуса России.

Военно-инженерная наука занимает среди прочих военных наук особое место. Можно сказать, что в её ведении находятся все технические средства ведения войны, включая создание вооружений и военной техники.

Существовавшее с античных времён понятие «инженер» (*ingeniator*) обозначало именно специалистов, изобретавших военные машины и управлявших ими в ходе военных кампаний. Кроме этого, перед древними инженерами стояли задачи фортификации (строительства и обороны крепостей), устройства оборонительных сооруже-

ний, включая сапёрное дело, а также строительство всевозможных переправ.

В новейшее время, в эпоху промышленной и военно-технической революций, функции военных инженеров невероятно расширились. Технический специалист, изобретатель и конструктор в одном лице, инженер стал одной из главных фигур, без которой в войнах нового типа уже нельзя было обойтись. К концу XIX века инженерный корпус занимался практически всеми вопросами обеспечения транспортных и энергетических систем, систем связи, вооружения и жизнеобеспечения армии и военной промышленности. Среди них важнейшими направлениями стали электротехника и радиотехника, различные направления теплотехники и энергетики, оптика, физическая химия, наука о материалах и т.д.

Такая масштабность задач потребовала создания особой системы технического образования, которую не могли дать религиозные и гуманитарные университеты Европы. Каждая из ведущих европейских стран приспособилась к решению этой проблемы по-своему.

Одну концепцию технического образования выработали англосаксонские страны — Англия и Соединённые Штаты. Другая, коренным образом от неё отличающаяся, система образования была принята во Франции и Германии, а затем и в России.

Англия, страна первой промышленной революции, а вслед за ней и Америка, фактически не ставили задачу системного образования своих технических специалистов. Государство в Англии и Америке придерживалось той же либеральной идеологии невмешатель-

ства в области образования, что и в области экономики. Только в образовании роль свободного рынка играли частная инициатива и добровольные общества.

В основном английские инженеры не имели базового образования, в лучшем случае они получали образование в пуританских технических школах нижних уровней. В большинстве своём они получали подготовку прямо на производствах, у опытных мастеров, начиная практику с самых первых ступенек производственной лестницы и заканчивая руководством фабриками и мануфактурами. Эти технические специалисты были не инженерами, а мастерами, техниками-практиками.

До поры до времени задачи промышленной революции и в Англии, и в Америке могли решаться путём такого «неформального» образования (точнее, многолетнего натаски-

вания). Но ситуация резко изменилась, когда усложнилось производство и фундаментальная наука стала играть в области техники значительно большую роль.

Именно поэтому к концу XIX — началу XX века лидерство у Англии перехватили Франция, Германия и Россия за счёт иной системы технического образования.

Во Франции инженерные школы и по целям, и по своему пафосу были прямой противоположностью католическим университетам — они были нацелены на решение государственных задач: создание транспортной инфраструктуры, развитие горной и военной промышленности, морского дела. Поэтому отличительной чертой французской научно-инженерной системы образования было получение глубоких знаний в области математики и аналитической механики. Великая

французская революция, полностью разрушив клерикальное университетское образование, фактически оставила в системе высшего образования лишь инженерные школы (самая знаменитая из них, Парижская политехническая школа — *Ecole polytechnique* — была основана в 1794 году).

Таким образом, во Франции была реализована «технократия» в буквальном смысле слова — там главные государственные посты почти исключительно занимали люди с качественным техническим образованием.

Однако французская модель страдала серьёзным недостатком. Уничтожив клерикальное и придав высочайший статус инженерному образованию, послереволюционная Франция заодно потеряла гуманитарную составляющую образования. Поэтому, когда в эпоху объединения перед Германией встала

проблема выбора образовательной системы, немецкие учёные и философы резко критиковали французскую инженерную школу за излишний техницизм и утилитаристскую односторонность.

Сама же немецкая инженерная школа к концу XIX века стала сильнейшей в мире за счёт того, что в реальных гимназиях и высших технических школах была введена система общего научного образования. Немецкие инженеры получали в полном смысле слова академическое образование, включая философское.

Впрочем, и Германии не удалось создать идеальную модель образования. Немецких инженеров часто упрекали в том, что обладая прекрасными теоретическими познаниями, на практике они могли добиться не больших результатов, чем обычные техники. При-

чина, вероятно, была в общем стиле немецкой науки, с её приверженностью к излишней теоретизации, со стремлением поднять статус «чистых» наук по сравнению с прикладными.

Российская традиция воспитания и обучения инженерных кадров отличалась и от французской, и от немецкой. Она с самого начала опиралась не только на очень сильное базовое математическое и естественнонаучное образование, но и на достаточно широкое гуманитарное образование. Такой подход был заложен первыми крупными русскими математиками М. В. Остроградским и В. Я. Буняковским, стоявшими у истоков становления отечественной инженерной школы.

Однако была и ещё одна черта в российской концепции инженерного образования — она была целостной. Русские инженеры были в такой же степени людьми науки, как и

людьми культуры, как и техническими специалистами.

Принципиально важным аспектом этой идеи целостности была нацеленность, кроме всего прочего, на художественное образование инженеров. Примером такой целостности для русских инженеров являлся Леонардо да Винчи, в котором одновременно сосуществовали учёный, практик и художник. Основатели русской инженерной школы были убеждены, что все эти три качества должны присутствовать в настоящем инженерере.

Поэтому не случайно, что многие знаменитые русские архитекторы, художники и музыканты на самом деле имели чисто инженерное образование. Например, выпускник Николаевской морской академии, выдающийся русский кораблестроитель академик А. Н. Крылов профессионально перево-

дил с латыни Ньютона, выпускник Киевского политехнического института авиастроитель И. И. Сикорский писал серьёзные богословские трактаты, учёный-конструктор и «отец американской школы инженеров-механиков» С. П. Тимошенко серьёзно занимался историей науки. Наконец, уникальный пример является собой великий русский писатель Ф. М. Достоевский, выпускник Николаевского инженерного училища.

При этом существовала тесная связь инженерного и военного образования. Первые российские инженерно-технические учебные заведения — Институт инженеров путей сообщения, Михайловская артиллерийская и Николаевская инженерная академии — готовили не просто инженеров, но офицеров.

Наиболее выдающиеся русские учёные и инженеры, стоявшие у истоков новых науч-

ных направлений, начали свою деятельность в 40–50-е и особенно 60-е годы XIX века именно в военной области. Бурное капитальное строительство и создание первых железных дорог дало толчок развитию прикладной механики, а строительство военных заводов — машиностроению. Такие военные инженеры как Д. И. Журавский и П. Я. Собко, например, участвовали в проектировании крупных сооружений на Московско-Петербургской железной дороге и мостов через Неву. А. И. Вышнеградский, являясь главным механиком артиллерийского ведомства, в 60-е годы вёл проектирование ряда военных предприятий, в том числе Охтенского порохового завода. В те же годы создатель научной металлографии Д. К. Чернов ставил новое металлургическое производство на Обуховском артиллерийском заводе.

Выдающийся русский химик генерал и академик В. Н. Ипатьев был не только руководителем химического комитета военного ведомства, но и участвовал в работах по созданию новых военных предприятий в рамках строительства отечественного химического комплекса.

Создатель советской радио— и электронной промышленности адмирал-инженер Аксель Иванович Берг являлся выпускником Морского корпуса, а в годы Первой мировой войны был штурманом на нескольких крупных военных кораблях.

Сложнейшие технические вопросы пришлось решать русским инженерам в ходе восстановления русского флота после Русско-японской войны и, в особенности, при проектировании и строительстве новых линейных кораблей. Строительство гигантских дредно-

утов вообще было исключительной технической и производственной задачей, а учитывая требование руководства страны обходиться только отечественными технологиями, потребовало от русских учёных и инженеров пионерских решений в области механики, материаловедения, электротехники и радиотехники. С этой задачей справились военные инженеры и крупные учёные в области прикладной математики и механики А. Н. Крылов, К. Н. Боклевский, И. Г. Бубнов и другие.

Ещё одним передовым направлением были исследования в области аэродинамики, а также решение задач определения прочности конструкций в условиях упругих деформаций, важные для построения корпусов самолётов и ракет. Именно эти исследования стали научной основой для авиастроения и ракетостроения в XX веке. Они были осуществ-

лены в московской инженерной школе, сложившейся вокруг Н. Е. Жуковского в Московском университете и в Московском техническом училище.

Так в России на рубеже веков сложилась и устойчиво функционировала целая система подготовки инженеров нового типа — исследователей, творцов, людей высокой культуры. Эта система, воспитавшая выдающихся учёных, создававших российскую военную технику и вооружения, затем была почти целиком воспринята Советской властью и стала основой для высочайших свершений в годы Великой Отечественной войны и в эру покорения космоса.

Об этом — в следующей статье.

Юрий Бардахчиев

Наша война

Человечина под соусом аполитичности — 3, или 0 социальной ответственности учёных

Решение — в этой самой социальной ответственности, то есть в поведении, прямо противоположном крикам «учёные вне политики!»

А что же делать несчастным учёным?! — недоумённо воскликнет читатель, прочитав про бурю обсуждений, вызванную публикацией некоторых результатов научного исследования из области популяционной генетики. — Что же, теперь сказать публично ничего нельзя — мало ли, как сказанное может быть воспринято и интерпретировано разными неадекватными и политически ангажированными личностями? Может, прикажете и вообще перестать заниматься наукой?

Мы, конечно, так не прикажем (хотя, может, иногда и хотелось бы), потому что права такого не имеем. Но вообще-то мысль о том,

что некоторым учёным лучше наукой вообще не заниматься (или как минимум, не посвящать в результаты своих занятий широкую публику) очень даже привлекательна, хотя и не нова. Ведь смотрите, как действуют некоторые учёные, упорно твердящие о том, что они во всех смыслах вне политики, а занимаются исключительно «чистой наукой» (то есть очищенной от всякой ненужной шелухи вроде практических применений, социальных и политических смыслов). По сути, они говорят нам, что занятие наукой (в их личном — подчеркнём — понимании) — само по себе такая большая ценность, что общество должно делать всё возможное, дабы оно осуществлялось, и покорно терпеть любые издержки этого занятия. То есть ведут себя как избалованные дети, которые чувствуют, что они сами по себе настолько ценны, что взрослые

стерпят любые их безобразия.

Представим себе такое чадо лет 4–5, озабоченное исследованием окружающей среды (а дети часто имеют подобные наклонности), которое заинтересовалось тем, что будет, если бросить огонь в бензобак. Поэтому чадо берёт спичку, зажигает и бросает её в бензобак... ну, сами понимаете, с каким результатом. Внимание, вопрос: виновато ли чадо? Вроде бы нет...

Во-первых, оно было подвижно благородными и правильными со всех точек зрения мотивами — жаждой исследования мира, — при этом не отягощёнными ничем нехорошим: ни корыстью, ни злобой, ни... ничем, в общем. Имеет ли ребёнок право исследовать мир вокруг себя? Конечно!

Во-вторых, оно не знало (то есть совсем) о вероятных последствиях своих исследова-

тельских действий — ну вот нет у человека без опыта и образования априорных и имплицитных знаний о том, что соединение огня и бензобака приводит к взрыву. Соответственно, результаты, достигнутые в результате эксперимента, никак не могут быть названы злоумышленными.

В-третьих, оно — ребёнок. То есть по всем законам существо недееспособное и не правоспособное — именно в силу того, что ничегошеньки не знает — и поэтому ответственность за свои действия нести не может.

В-четвёртых...

Но не будем дальше утомлять читателя. И так ясно, что чадо не виновато. А кто тогда? Ведь «результат исследования» в виде разрушений (хорошо, если без жертв) налицо. «Ну кто, кто, — скажет читатель, — ясно, кто. Родители виноваты, или заменяющие их лица.

Потому что допустили, что чадо имело возможность занять спички, подойти к бензобаку, открыть его и... Ведь детям потому и не дают спички — чтобы они по незнанию в соединении с любознательностью не наделали делов...». И мы с читателем согласны: чадо не виновато. Более того, оно таки имело полное право исследовать окружающий мир всеми доступными методами, а ответственность за то, чтобы ему были в принципе не доступны потенциально опасные методы, лежит не на нём.

Теперь рассмотрим другой пример, весьма похожий на предыдущий по многим параметрам. Некий учёный (например, похожий на г-на Балановского из нашей предыдущей статьи), движимый бескорыстным (предположим) и в чём-то даже благородным намерением просветить тёмных сограждан, решил

ознакомить общественность с результатами своих научных исследований (тоже, предположим, произведёнными в исключительно благородных и правильных со всех точек зрения целях Познания с большой буквы П). Поэтому он взял и предоставил свои научные результаты журналистам некоего общественно-политического журнала (похожего на журнал «Власть»), которые сделали из них статью, а потом (впечатление «усилить хочется», как говорил герой фильма «Служебный роман») дал ещё многочисленные интервью на эту тему. И этот комплекс действий (ещё до конца не завершённых — ведь статьи ещё пишут и интервью ещё выходят) мы считаем совершенно аналогичным бросанию горячей спички в бензобак. Аналогичны и последствия, хотя они ещё проявились не в полной мере, и объём и сила взрыва ещё до конца

не ясны.

Поскольку «спичка» в нашем втором примере значительно сложнее спички в первом примере, опишем её подробнее.

Научные результаты, которые наш гипотетический учёный предоставил для «просвещения» общественности, были абсолютно... как бы это сказать помягче... ясными и понятными совершенно любому человеку. Они состояли в том, что русские то ли жили раньше на ныне считающихся русскими землях, то ли откуда-то пришли. Соответственно, истинно русские земли то ли действительно истинные, то ли не вполне. То ли русские — близкие родственники украинцев и белорусов, то ли, наоборот, украинцы — родственники белорусов и русских. То ли в русских вся кровь финская, то ли вся татарская (за исключением вполне вероятной возможности

того, что в татарах вся кровь русская, да и в части финнов — тоже). То ли генетические отличия между расами есть, то ли, напротив, тоже есть. В общем, абсолютно всё ясно — как в известном анекдоте про так называемую женскую логику, когда женщину спрашивают, какова вероятность встретить в Москве динозавра. Она отвечает: 50%. Почему? Потому что либо встретишь, либо нет!

Ну и, наконец, там было несколько совершенно неожиданных научных результатов.

Во-первых, выяснилось (кто бы мог подумать!), что чем севернее живут русские, тем более они родственники с северными финно-угорскими народами, а чем южнее живут русские — тем больше у них родства с южными славянскими народами и — внимание! — меньше родственности с финно-уграми. Правда, неожиданно?

Во-вторых, обнаружилось, что все заявления множества учёных о том, что расы генетически практически неразличимы, — это дань политкорректности. А на самом деле генетические различия между расами есть, да ещё какие!.. Просто-таки огромные! И они совершенно точно не исчерпываются теми различиями, которые видны невооружённым глазом (типа цвета кожи), а распространяются на всё — например, на интеллектуальные способности или на работоспособность... (не кажется ли вам, читатель, что всё это мы уже где-то читали?). Но самое интересное — прямых доказательств нет. Так, некоторые тенденции. А как наш учёный установил эти тенденции? А... он провёл статистические исследования нескольких генетических маркеров (кусочков генома). И у него сложилось вот такое впечатление... Стойкое, хотя

и без прямых доказательств. И конечно же, о нём должны узнать все! — это же важное научное открытие! А как же, например, результаты Л. А. Животовского, работающего в том же институте, что и наш гипотетический учёный, в соседней буквально лаборатории, прямо противоположные этим «научным впечатлениям»? Ничего, что исследование Животовского, на порядки (!) более представительное, убедительно показало, что генетически расы отличаются настолько мало, что это даже трудно представить? Вот что пишет Л. А. Животовский:

«Расы оказались намного более схожи друг с другом, чем различны.

Исследования показывают, что генетические различия между всеми людьми затрагивают лишь тысячную часть, т.е. всего 0,1% всей ДНК (генома). На

самом деле генетическое сходство между людьми ещё выше — ведь большинство различий приходится на «молчащие» участки ДНК и не затрагивают функционально важные участки генома. Основные гены у всех идентичны.

Таким образом, наследственную информацию человечества можно представить в виде айсберга, у которого наверху находится лишь тысячная часть генома, по которой люди генетически различаются между собой, причём большая её часть генетически инертна: существующие различия по ним не затрагивают существенных биологических свойств. «Подводная» часть айсберга, занимающая 99.9%, представляет часть генома, которая абсолютно одинакова у всех людей на Земле».

Так как? «Да ерунда всё это, — восклицает наш воображаемый (но похожий на О. Бала-новского) учёный, — это всё презренная пол-литкорректность! А на самом деле...».

Вот такая «спичка». Что же касается ха-рактеристик «бензобака», то есть нашего об-щества, чрезвычайно чувствительного к об-суждениям любых тем, затрагивающих на-циональность, расы, исконно-посконные тер-ритории, родство... Подробно описывать эти характеристики нет необходимости — они и так всем известны, не правда ли? Вот, напри-мер, буквально сегодня, 4 ноября, состоялся очередной «Русский марш»...

И вот наш учёный кидает вышеописанную горящую «спичку» в известный нам всем пе-реполненный парами «бензобак». Результат известен. И понятен. И хорошо, если взрыв не разорвёт интернет-оболочку и не прорвёт-

ся в реальное пространство какими-либо территориальными или иными претензиями, основанными на «научных данных». Внимание, вопрос: кто виноват? Неужели наш учёный?

Если судить по аналогии с первым разобраным нами примером, учёный не виноват.

Во-первых, потому что он был движим исключительно чистым и бескорыстным (если не учитывать, что он за это получает зарплату, которую ему платит государство, которое берёт её из налогов, которые платим мы с вами и которые можно было бы потратить на другие цели, например, на помощь больным детям или на усиление обороноспособности) познавательным интересом. Что может быть благороднее «чистой» науки? Только стремление к просвещению, к распространению знаний в народонаселении!

Во-вторых, наш учёный, наверное, не мог

даже предположить, что его чистейшие и благороднейшие научные результаты могут быть использованы в грязной политической игре. И что совершенно «не имеющие никакого отношения к политике» «научные сведения» о том, какие территории для каких народов «исконные», а какие народы на них «случайно оказались, с улицы зашли», могут вызывать какие-то бурные реакции в обществе. А уж абсолютно политически нейтральные данные о различиях между расами... ну кому может придти в голову, что они могут вызывать какие-то общественные проблемы? Вы зря смеётесь, уважаемые читатели. Потому что именно так рассуждают многие учёные, особенно настаивающие на своей аполитичности. Дескать, наше дело — наука и только наука. А как там «наше слово отзовётся» — не имеем никакого понятия! Потому что ничем,

кроме науки не интересуемся — времени нет, да и сил — всё отдаём науке. Соответственно, откуда нам знать, как наши исследования воспринимаются обществом? А если что-то не так, то мы ни при чём, потому что ничего плохого не хотели, а раз не хотели, то и не виноваты.

В-третьих, наш герой — учёный. А учёные — это особенные люди. Которые занимают самым важным делом на земле — исследованием мира. Что там выращивание хлеба или выплавка стали, или борьба с преступниками, или охрана государственной границы? Всё это ничто в сравнении с наукой. Наука — высшая ценность. А учёные — жрецы науки. И любое общество должно относиться к ним как самому драгоценному... и прощать им мелкие промахи... Ведь всё, что ни делает учёный, — результат его погружённости в

науку. Вот рассеянность, например. Или аполитичность... принципиальная.

Если говорить серьёзно и если быть честными с самими собой, то именно такой какой-то образ науки и людей, ею занимающихся, полностью или частично сидит в нас. И определяет наше одновременно восторженное и снисходительное отношение к учёным. За последние пару веков в нашей культуре сложилось действительно исключительное отношение и к науке (говорим же «храм науки»), и к учёным — им всем вместе и каждому в отдельности прощают то, что не прощают другим. И если авторитет учителя так и не удалось «поднять на недостижимую высоту», то авторитет учёного — удалось. Настолько, что отношение к учёным в обществе где-то сродни отношению к тому самому избалованному чаду: ценность учёных так высока, что

им можно простить всё. Однако если в советское время такое отношение было оправдано: в том числе и благодаря учёным и развитию науки СССР удалось достичь небывалых успехов в модернизации страны, победить в войне, послать человека в космос, построить лучшие в мире системы образования и здравоохранения... Причём заметьте, уж никак нельзя сказать, что советские учёные были аполитичны, не правда ли? Более того, есть обоснованные подозрения, что многие великие советские учёные достигли своих выдающихся результатов именно потому, что были *советскими* учёными, то есть, говоря современным языком, политизированными до нельзя. А что сейчас? Почему мы должны быть благодарны нашим современным учёным? Не с их ли молчаливого согласия разрушены здравоохранение и образование, испа-

рилась отраслевая наука, разрушается РАН? Да и... сами знаете.

Вернёмся к нашему примеру. Так кто же виноват во «взрыве», произошедшем в результате вбрасывания в общество якобы «чисто научной» информации? Если мы согласимся с тем, что учёные, как правило, — взрослые люди, которые вполне могут (и должны) осознавать свои действия и отвечать за них, а также в состоянии сложить 2 и 2, то мы должны будем, как это ни прискорбно, заключить, что во взрыве виноват наш гипотетический учёный. В противном случае нашего героя надо признать недееспособным субъектом, представляющим опасность для общества. И поступать соответственно.

Раз вина нашего гипотетического учёного установлена, то нужно далее проанализировать, что привело его к этому преступлению

(создание взрывоопасной ситуации в обществе иначе как преступлением и не назовёшь). И ответ на этот вопрос — вы не поверите! — лежит на поверхности. В основе преступного поведения — та самая аполитичность, которой так кичатся наши учёные (большинство, не только наш гипотетический).

Антоним аполитичности учёных имеет название «социальная ответственность учёных».

Весь XX век был наполнен спорами о социальной ответственности учёных. Эти споры особенно ярко вспыхнули после ядерных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Было совершенно очевидно, что без многолетних усилий множества учёных атомная бомба не могла бы быть сделана. Несут ли все эти учёные ответственность за результат? — то есть за последствия ядерной бомбардировки, как

непосредственные — гибель сотен тысяч людей и разрушение городов, так и отдалённые — болезни и смерти других сотен тысяч людей, разрушение экологии и т.п.

Но не только атомная бомба была причиной вспыхнувшего интереса к вопросам ответственности учёных. Не менее «воспламеняющими» были и многочисленные «успехи» науки гитлеровской Германии: в области расологии, в медицине (особенно впечатляли эксперименты, проводившиеся на узниках концентрационных лагерей, свидетельства о которых были представлены на Нюрнбергском трибунале, судившем немецких учёных и врачей) и т.п.

Так несут ли наука и учёные ответственность за негативные социальные и человеческие последствия своих исследований и их практического применения? Этот вопрос по-

ставил под сомнение и широко распространённые и практически общепризнанные представления о науке (восходящие ещё к эпохе Просвещения) как о безусловном социальном благе. Точно так же был сильно проблематизирован и вопрос о том, является ли такой уж неоспоримой ценностью свобода научного поиска (которая настолько важна для современной культуры, что во многих государствах, включая Россию, соответствующая норма закреплена в Конституции: «Статья 44.1. *Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества. . .* »).

Продолжающиеся многие годы обсуждения социальной ответственности учёных, по сути дела, не привели к каким-то определённым решениям. Можно даже сказать, что ре-

шение во всех «сложных» случаях (когда научное исследование или его возможное практическое применение чревато опасными социальными или человеческими последствиями) состоит только в одном — в присутствии этой самой социальной ответственности учёных, то есть в ясном понимании ими политических и социальных последствий своих действий. Подчеркнём ещё раз: решение — в наличии у учёных этой самой социальной ответственности, то есть в поведении, прямо противоположном крикам «учёные вне политики!».

Судите сами. В ходе дискуссий, продолжающихся уже несколько десятилетий, были определены следующие «проблемы»:

1) Поскольку *«развитие науки подчинено объективной логике... отказ какого-нибудь конкретного учёного от участия в потенциально опасных для человека и*

общества исследования ничего не изменит». По сути, это отговорка, предполагающая, что всегда найдётся беспринципный «аполитичный» учёный, который проведёт эти самые потенциально опасные для человека и общества исследования, от которых откажется «социально ответственный» учёный. И поэтому, дескать, бесполезно отказываться и ответственному... Ну да. Если всегда найдётся человек, который возьмёт то, что плохо лежит, то почему это не взять мне?

2) «Негативные эффекты научно-технического прогресса порождаются не собственно научной деятельностью, а теми социальными силами, которые контролируют практическое применение научно-технических достижений». Соответственно, либо наука и учёные должны играть какую-то роль в определении того,

как именно используются эти достижения (а для этого они должны быть социально-ответственными и более того — участвовать в политике), либо одно из двух.

3) *«Результаты фундаментальных исследований принципиально непредсказуемы (в противном случае их проведение не имело бы смысла), так что проблема социальной ответственности имеет смысл лишь в отношении прикладных исследований».* Это кажется наиболее серьёзной проблемой, однако и тут социальная ответственность учёного, то есть его глубокое понимание состояния общества может помочь ему в том, чтобы *«при планировании и проведении фундаментальных исследований хотя бы пытаться предвидеть и предотвращать возможные негативные последствия».* Или, на худой конец, в том, что-

бы ответственно (то есть политически) подходить к вопросу о публикации полученных результатов и передаче их тем, кто может их опасным образом использовать.

Нам кажется, что вывод очевиден: *только* социальная ответственность учёных может уберечь человечество от «кривых» и опасных применений результатов научных исследований, никакого другого варианта не существует. Однако большинству учёных (не только наших российских) это совершенно не очевидно. Более того, они продолжают, несмотря ни на что, настаивать на своей принципиальной аполитичности, «оторванности» от жизни и приверженности «чистой науке». Выдающийся советский физик, академик Пётр Леонидович Капица, похоже, подозревал, что это происходит просто из стремления к комфорту и душевному спокойствию (которо-

му, конечно же, политизация противопоказана). Ещё в 1935 г. он писал: «В академической среде часто приходится слышать о том, что развитие чистой научной мысли должно совершаться в стороне от запросов жизни. Конечно, все согласны, что практические запросы жизни используют научные достижения для развития материальной культуры, но всё же считают, что самый ход развития научной мысли должен идти сам по себе, не согласуясь с окружающими запросами жизни. Этот взгляд, по-видимому, в основе своей обязан вполне естественному и законному желанию среди учёных работать с известной независимостью и при душевном спокойствии». Тогда же он писал и о «чистой» науке: «Слово «чистая» наука появилось у нас как перевод с французско-

го и английского слова *pure* (*pure science*). Это слово, по-видимому, в его первоначальном смысле обозначало, что в процессе изучения соблюдается известный пуританизм (так принято обычно выговаривать) намерений. Впоследствии в употреблении этого термина чувствовалось желание подчеркнуть, что наука существует для самой науки».

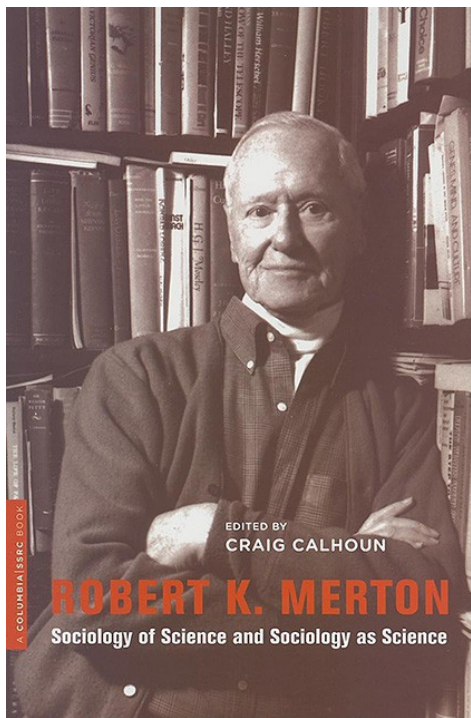
Вместо неприятной и неудобной для себя политизации и социальной ответственности, учёные всех стран склонны перекладывать ответственность, как говорят, «с больной головы на здоровую», — то есть на политическое руководство. Делается это, так сказать, в два приёма.

Сначала декларируется некий «этос науки» — якобы существующий комплекс ценностей и норм, который воспроизводится в

науке и принимается учёными. Термин «этос науки» предложен американским социологом Р. Мертоном ещё в 1937 г., а опубликован в 1942 г., то есть в годы Второй мировой войны. Мертон исходил из представлений о науке как воплощении свободного поиска истины и рациональной критической дискуссии; в силу этого наука, с одной стороны, репрезентирует ценности демократии и, с другой, именно в демократическом обществе находит оптимальные условия для своего развития (ещё раз: и это всё — во время Второй мировой войны). Мертоновский «этос»... как бы это сказать... очень далёк от реальной жизни, реальной науки и реальных учёных. *«Страшно далеки они от народа»*... И сам Роберт Мертон практически до самой своей смерти, то есть в течение 60 лет (он прожил 92 года и умер в 2003 году), постоянно оправдывался и

«отступал на заранее подготовленные позиции», то есть объяснял, по каким причинам его «этос науки» не работает нигде, даже в «самом демократическом» американском обществе.

«Этос науки» Р. Мертона, в отличие от его автора, жив до сих пор. Практически нет работ, посвящённых этическим проблемам науки, в которых бы он не обсуждался в качестве отправной точки анализа. Причём не в историческом плане, а в практическом: принято, что «этос науки» существует, но... почему-то всё время нарушается.

Роберт Кинг Мертон (Robert K. Merton:
Sociology of Science and Sociology as Science)

Итак, нормы научного этоса сформулированы в виде четырёх «институциональных императивов» науки:

«1) Универсализм — норма, требующая, чтобы любые знания были открыты для критики и оценки. Истинность научных утверждений должна оцениваться независимо от возраста, пола, расы, авторитета, титулов и званий тех, кто их формулирует».

Ну... Это, конечно, правильно, и должно быть так. Но, к сожалению... Есть масса исторических примеров грубейших нарушений этой нормы (хотя бы в той же фашистской Гремании), да и сегодня она сплошь и рядом нарушается, разве что делается это более тихо и скрытно. Да даже и на теоретическом уровне интересно, как именно наука может быть свободна от влияния, например, автори-

тетов? В то время как при нынешней дифференциации научных исследований авторитет учёного — единственное основание доверять его данным и использовать их в смежных областях.

Хочется спросить: а как в этой связи нужно относиться к внедряемому у нас повсеместно и провозглашённому председателем Правительства РФ Д. А. Медведевым «основным критерием научных заслуг активности учёного» индексу цитирования? Ведь как предполагается использовать индекс? Для оценки учёных, а следовательно, и их работ. А как же универсализм?

«2) Коммунизм (так и называется у Мертона!) — это норма, требующая, чтобы результаты исследований были доступны другим учёным, чтобы научное знание становилось общим достоянием».

Это смешно и вообще, и в частности. Что, результаты исследований, необходимые для разработки новых вооружений, должны быть доступны другим учёным? А, например, результаты исследований по новым лекарствам? Они-то без всяких сомнений должны бы быть доступны другим учёным, но как на это посмотрят фармацевтические корпорации, вкладывающие свои «кровные» деньги в исследования? Да они скорее удавятся, чем сделают доступными для всех новое лекарство, будь оно хоть панацеей.

Отдельно интересен вопрос о том, как будет воплощать эту норму в жизнь один из идеологов и ярых сторонников реформы РАН, соавтор министра Ливанова, К. В. Северинов. Дело в том, что г-н Северинов, умудряющийся плодотворно работать сразу в трёх лабораториях на разных континентах, в своей

российской лаборатории на деньги, выделенные Россией, разрабатывает новый антибиотик и его же — разрабатывает в своей американской лаборатории. И вот если и когда он создаст этот антибиотик, то кому он будет принадлежать? Неужели всему человечеству?

«3) Бескорыстность — это норма, требующая, чтобы основным стимулом деятельности учёного был поиск истины, независимый от соображений личной выгоды. Признание и вознаграждение должны рассматриваться как возможное следствие научных достижений, а не как цель, ради которой проводятся исследования».

ЭМММ...

«4) Организованный скептицизм — это норма, требующая, чтобы каждый учё-

ный добросовестно оценивал труды коллег, не полагался на авторитет предшественников, критически относился к чужим и своим собственным результатам».

Тут даже сказать нечего. Разве что... что если бы эта норма выполнялась, то наука бы давно встала и стояла бы на месте. Потому что как можно двигаться, если нельзя положиться на авторитет предшественников?

Такой вот «этос науки». Существующий только в теории. Потому что противоречит жизни. Однако учёные, обеспокоенные своей аполитичностью, считают иначе. Они уверены, что это нехорошие политики приводят к нарушению этических норм. Что это не учёные, а политические лидеры ответственны за всё, что происходит с научными результатами. Наука, по описанию российского исследо-

вателя Л. Лаудана, «подобна золотой рыбке, которую пытается эксплуатировать невежественная и алчная старуха. Золотая рыбка не виновата в том, что старуха предъявляет неразумные требования и в том, что старик потекает своеволию и амбициям старухи. В конечном счёте, опасную и вредоносную силу представляет именно невежественная и алчная старуха, а не золотая рыбка. Нужно образумить или унять старуху, чтобы не оказаться у разбитого корыта».

Птичку рыбку жалко, конечно. Однако уподобление учёных рыбке как-то принижает учёных, на наш взгляд. Ну какой этос у рыбки? Это всё равно что приравнять нашего гипотетического учёного из примера №2 малому неразумному дитяте из примера №1, или обезьяне с гранатой, что то же самое. Но обе-

зьяне нельзя давать гранату, детям — спички, а рыбкам, хоть бы и золотым, нельзя доверять заниматься научными исследованиями. Поэтому перед учёными выбор простой — либо социальная ответственность и наука, либо аполитичность и сдача на милость победителя.

О том, кто этот победитель, — в следующей статье.

Юлия Крижанская, Андрей Сверчков

Социальная война

Обоюдоострая ИНКЛЮЗИЯ

Вдумайтесь — особые условия, особая забота, особая система обучения, разработанная для того или иного вида заболевания, — это, оказывается, дискриминация!

Лев Выготский с дочерью Гитой, 1934 г.

Вы видите плакат «Дети должны учиться вместе». Первая мысль, которая приходит в голову — конечно, вместе. Разве может здравомыслящий человек делить детей по каким-либо признакам? Как только вы так подумали, вы попали в ловушку. В логическую и лингвистическую ловушку, которую расставляют разрушители образования, чтобы замаскировать своё наступление. Потому что речь идёт не о дискриминации по национальному, половому или какому-либо иному признаку. О чём же речь?

Вы начинаете разбираться, о чём говорит этот плакат, и узнаете, что он об инклюзивном образовании.

Продолжая своё исследование, вы непременно получите информацию о том, что термин «инклюзивное образование», или как его ещё называют «инклюзия», происходит от ла-

тинского *inclusi* — включать или французского *inclusif* — включающий себя. Что якобы такой тип образования подразумевает доступность образования для всех в смысле приспособления к разнообразным нуждам детей, чтобы обеспечить доступ к образованию для детей с «особыми потребностями». Под термином «дети с особыми потребностями» скрываются дети-инвалиды.

И снова пока не видно никакого подвоха — разве будет кто-то против того, чтобы образование было доступно всем? Только ярый человеконенавистник, сторонник регресса и разрушения социума может считать, что доступ к образованию нужно ограничивать.

Далее можно обнаружить, что в России этот вид образования внедряется под воздействием ЮНИСЕФ. Объясню для тех, кто не знает этой аббревиатуры, что ЮНИСЕФ —

это детский фонд ООН, международная организация, которая действует под эгидой ООН со штаб-квартирой в Нью-Йорке.

Так как Россия ратифицировала конвенцию ООН по правам детей, то теперь ЮНИСЕФ диктует нам методы исполнения этой конвенции, трактовку пунктов этой конвенции и так далее.

На сайте ЮНИСЕФ размещена брошюра, которая посвящена инклюзивному образованию в России. Во введении к этой брошюре говорится: *«Одним из основных положений Конвенции о правах ребёнка (1989) является уважение и обеспечение государствами-участниками Конвенции всех прав, предусмотренных в Конвенции, за каждым ребёнком без какой-либо дискриминации, независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии,*

политических или иных убеждений, национального, этнического или социального происхождения, имущественного положения, состояния здоровья и рождения ребёнка, его родителей или законных опекунов или каких-либо иных обстоятельств.

...

Поддержка программ по обеспечению социальной интеграции детей с ограниченными возможностями здоровья, их равного доступа к образовательным услугам в детских садах и общеобразовательных школах, наравне с их сверстниками, является одним из направлений деятельности ЮНИСЕФ в России.

...

Инклюзивное образование в России является одним из стратегических направ-

лений реализации права каждого ребёнка на образование, что закреплено в положениях Конвенции о правах ребёнка (1989) и другой Конвенции ООН, направленной на защиту и поощрение прав и достоинства лиц с инвалидностью, — Конвенции о правах инвалидов (2006), подписанной Российской Федерацией в 2008 году».

В итоге всё сводится к тому, что для обеспечения прав инвалидов и исключения их дискриминации они должны учиться совместно с другими детьми. Вдумайтесь — особые условия, особая забота, особая система обучения, разработанная для того или иного вида заболевания, — это, оказывается, дискриминация!

И что же нам предлагают поборники инклюзивного образования? Они предлагают (и уже осуществляют!) закрытие специализиро-

ванных школ и перевод учеников в обычные школы.

Чем это чревато?

Для того чтобы разобраться в этом вопросе, давайте рассмотрим историю становления системы обучения детей с отклонениями в развитии.

Одним из первых русских учёных, который применил научный подход к проблеме обучения детей с отклонениями, был И. А. Сикорский. Его исследования — это одна из первых попыток в нашей науке антропологического обоснования воспитания и обучения детей с отклонениями в развитии. Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции и в первые послереволюционные годы исследования не получали особой государственной поддержки. Но с 1924 года благодаря работам Л. С. Выготского ак-

тивно поддерживаны государством, и научно-практическая деятельность в области дефектологии активно развивается.

В своих работах Л. С. Выготский показал необходимость учёта в воспитании и обучении особенностей разных категорий детей с отклонениями. Результатом работ Л. С. Выготского и дальнейшего исследования в области дефектологии стала выработка разнообразных учебных и воспитательных систем для детей с различными психическими отклонениями. Ни для кого не является секретом, что различные заболевания, а также степень тяжести этих заболеваний предполагают различный подход для достижения максимального уровня обучения.

Кто-то скажет: «Почему это автор только о психических отклонениях говорит, есть ведь ещё колясочники?». Соглашусь с этим и

введу некую грубую классификацию дефектов. Их можно подразделить на дефекты зрения, слуха, речи, интеллекта и двигательные нарушения.

Любому здравомыслящему человеку понятно, что каждая категория дефектов требует самостоятельного подхода к обучению. Более того — степень тяжести дефекта тоже может вносить свои коррективы. Например, полностью слепому необходимо изучать азбуку Брайля — рельефно-точечный тактильный шрифт, разработанный в 1824 году Луи Брайлем, который сам в три года потерял зрение. И всё общение с окружающими у таких людей идёт через слух и тактильные ощущения. В то же время у людей со слабым зрением есть возможность видеть крупные предметы, и это можно использовать как дополнительный фактор при обучении.

Ничуть не менее очевидно, что для глухих и слабослышащих обучение должно идти с максимальной визуализацией. И так далее по каждому из видов дефектов.

Как наиболее эффективно реализовать такое разделение?

Разработать специализированные программы для каждого вида отклонений.

Подготовить педагогов, специализирующихся на определённом виде или нескольких схожих видах отклонений.

Создать специальные школы и соединить в них подготовленных педагогов и детей с одинаковыми или схожими отклонениями.

Что и было сделано в СССР. И это давало свой результат. Я уже писал в своих статьях о знаменитой школе Мещерякова и Ильенкова для слепоглухонемых, один из выпускников которой стал доктором психологических на-

ук.

Теперь же ЮНИСЕФ называет это дискриминацией и требует, чтобы такие дети обучались в обычных классах.

Вот что говорится в той самой брошюре, на которую я ссылался выше: *«Основные идеи и принципы инклюзивного образования как международной практики по реализации права на образование лиц с особыми потребностями были впервые наиболее полно сформулированы в Саламанкской декларации «О принципах, политике и практической деятельности в сфере образования лиц с особыми потребностями» (1994). Более трёхсот участников, представлявших 92 правительства и 25 международных организаций, заявили в Саламанкской декларации о необходимости «провести кардинальную реформу об-*

щеобразовательных учебных заведений», признавая «необходимость и безотлагательность обеспечения образования для детей, молодёжи и взрослых с особыми образовательными потребностями в рамках обычной системы образования».».

Вдумайтесь в это! В приведённых словах нет ни грамма разума, ни толики стремления к максимальному уровню образования у кого бы то ни было. Есть лишь безумная декларация того, что специальные учебные заведения — это дискриминация, а право на обучение реализуется через обучение в общих классах обычных школ.

Ну и как это право реализуется, если в общих классах педагог не может быть специалистом во всех видах дефектов? Он не может освоить все методики, необходимые для обучения детей с разного рода отклонениями.

Но представим на минуту, что педагог всё это освоил. Он же должен одновременно в одном классе давать программу обычным детям и детям с отклонениями. А если в классе дети с разными отклонениями? Работа педагога распадается на преподавание многих программ в ограниченное одним уроком время.

Может быть, я что-то упускаю из виду, и Саламанкская декларация содержит в себе разумные пункты? Давайте рассмотрим принципы, записанные в этой декларации:

«Мы считаем и торжественно заявляем о том, что:

- *каждый ребёнок имеет основное право на образование и должен иметь возможность получать и поддерживать приемлемый уровень знаний;*

- каждый ребёнок имеет уникальные особенности, интересы, способности и учебные потребности;
- необходимо разрабатывать системы образования и выполнять образовательные программы таким образом, чтобы принимать во внимание широкое разнообразие этих особенностей и потребностей;
- лица, имеющие особые потребности в области образования, должны иметь доступ к обучению в обычных школах, которые должны создать им условия на основе педагогических методов, ориентированных, в первую очередь, на детей с целью удовлетворения этих потребностей;

- обычные школы с такой инклюзивной ориентацией являются наиболее эффективным средством борьбы с дискриминационными воззрениями, создания благоприятной атмосферы в общинах, построения инклюзивного общества и обеспечения образования для всех; более того, они обеспечивают реальное образование для большинства детей и повышают эффективность и, в конечном счёте, рентабельность системы образования».

Давайте разберём эти пункты. Поищем здоровое зерно.

Первый пункт сомнений не вызывает. Действительно, каждый ребёнок должен иметь доступное образование.

Но уже второй пункт вызывает серьёзные вопросы. Сказать, что все люди уникальны — не сказать ничего. Ну уникальны — и что? Для каждого персонально будем делать программу обучения? И погрязем в миллионах программ? Безусловно, это невозможно. Какими бы уникальными люди ни были, всегда можно выделить группы людей со схожими способностями и интересами. А это уже совсем другое дело.

Если не учитывать то, что я сказал выше, то есть объединение людей по интересам и способностям, то третий пункт, говорящий о необходимости учитывать всё многообразие особенностей и потребностей при разработке учебных программ, выглядит абсурдным.

И вот, наконец, следующий пункт говорит о лицах с особыми потребностями. И содержит в себе взаимоисключающие тезисы.

Первый тезис говорит о том, что эти лица должны иметь доступ к обучению в обычных школах.

Второй — о том, что им необходимо обеспечить все их потребности.

Вдумайтесь — вместо того, чтобы создать (а точнее — сохранить уже существующую) эффективную инфраструктуру, обеспечивающую все потребности инвалидов, собранных в коллектив согласно этим самым потребностям, предлагается распылить их по разным школами и в каждой попытаться создать удобные условия. Это и есть дискриминация, когда под видом заботы о человеке его помещают в среду, которая не сможет сформировать условия для эффективного обучения ребёнка.

И, наконец, последний пункт является ничем не подкреплённой декларацией того, что

инклюзивное образование является эффективным средством борьбы с дискриминационными воззрениями. О качестве образования в такой системе никто не говорит. Оно не интересуется подписантов этой декларации.

Таким образом, инклюзия обращается в обоюдоострое оружие. Обоюдоострым называют оружие, имеющее острое лезвие с обеих сторон. А в переносном смысле — это нечто, способное вызвать последствия с обеих сторон. Такая инклюзия и вызывает последствия с обеих сторон: мы теряем возможность квалифицированно и качественно обучать инвалидов — с одной стороны, а с другой — из-за нехватки времени у педагога программа упрощается, и уровень образования снижается.

Кроме того, в процессе внедрения инклюзии мы оставляем не востребуемыми уни-

кальные знания, полученные в результате исследований в области дефектологии, оставляем без работы высококлассных специалистов, а вслед за этим сокращаем профессоров вузов, которые готовили этих специалистов. То есть уничтожаем целую ветвь научного исследования.

Внедрение инклюзивного образования, ведущего к разрушению существующих, вырабатывавшихся годами систем специального обучения, разрушению систем подготовки педагогов, сокращению научной деятельности есть ещё один удар по всей системе образования в рамках войны с образованием.

Павел Расинский

Война с историей

Потребистория — 2

Общественное большинство никогда не примет основной лейтмотив Концепции, воспевающий потребление и в особенности хрущёвскую эпоху, когда советское общество, в трактовке авторов Концепции, «наконец-то» возжелало западного потребительского идеала

Александр Бенуа. Дом Анны Монс в
Немецкой слободе (фрагмент)

1 ноября 2013 г. президенту РФ был представлен окончательный вариант «Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории», руководствуясь которой в будущем предполагается создавать

единые школьные учебники по истории.

«Общественный договор» под дулом пистолета

Данная концепция, созданная Российским историческим обществом и представленная директором Института всеобщей истории РАН А. Чубарьяном, — насквозь либеральна. При этом её авторы имеют наглость утверждать, что-де *«в современном российском обществе новая концепция выступает в качестве общественного договора, предлагающего взвешенные точки зрения на дискуссионные вопросы отечественной и всеобщей истории»*.

О каком общественном договоре идёт речь? О договоре между кем и кем? Теперь

уже никто не оспаривает того прискорбного для наших либералов обстоятельства, которое когда-то ослепительно высветили телевизионные передачи «Суд времени» и «Исторический процесс». Я имею в виду — наличие общественного большинства, не согласного с предъявляемым нашими либералами отношением к отечественной истории. Эта часть общества разнолика. Далеко не все, кто входит в неё, мечтают о возврате к советскому образу жизни. И тем не менее, эта часть общества в достаточной степени консолидирована. Являясь таким консолидированным большинством, она никогда не примет чубарьяновских либеральных пошлостей, являющихся, по сути, слегка скорректированным вариантом пошлостей, изрекаемых Сванидзе, Млечиным и Ко.

Это консолидированное общественное

большинство никогда не примет основной лейтмотив Концепции, воспевающий потребление и в особенности — хрущёвскую эпоху, когда советское общество, в трактовке авторов Концепции, «наконец-то» (о, «радость»!) возжелало западного потребительского идеала. А вот одна из характерных фраз Концепции, посвящённая XIX веку: *«Культура повседневности: обретение комфорта»*... Вот так, ни много ни мало — почти как обретение Рая!

Не примет это большинство и содержащиеся в Концепции лживые либеральные мифологемы.

Оно не примет определения 70 лет жизни в СССР наших отцов и дедов как *«советского эксперимента»*...

Оно не примет определения Октябрьской революции как *«взятия власти большеви-*

ками», а также как некой (в издевательских кавычках и с маленькой буквы) «*октябрьской революции*»... И так далее.

Авторам концепции, рассуждающим об «одобрении» обществом их опуса, не помешало бы ознакомиться с результатами опроса общественного мнения, проведённого 10 октября 2013 г. либеральным фондом «Общественное мнение» (ФОМ). Так вот, согласно ФОМ, уже лишь 19% граждан России не хочет жить при коммунизме. А 59% — уверены в том, что в коммунизме больше положительных сторон, чем отрицательных.

Отмывание позора

Не примет это большинство и изложенной в Концепции версии расстрела Ельциным

Дома Советов в 1993 г. Рассказ об этом следует за рассказом о росте в 90-х гг. центробежных настроений. После констатации факта усиливавшегося сепаратизма авторы Концепции заявляют: *«Нараставшее с середины 1992 г. противостояние президентской и парламентской (в лице Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР) ветвей власти привело в 1993 г. к политико-конституционному кризису и параличу власти. Это грозило утратой управляемости и развалом страны. Россия оказалась на пороге Гражданской войны. В результате победы Ельцина после трагических событий в Москве в октябре 1993 г. в России произошла кардинальная смена политической системы. Была проведена поэтапная конституционная реформа, создана республика, в которой пре-*

зидент получил обширные полномочия».

Как вам это понравится? То бишь 1993 год — это якобы не имевший место в реальности чудовищный расстрел в центре столицы парламента, в котором находились, в том числе, случайно оказавшиеся там женщины и дети. Расстрел, сравнимый лишь со зверствами Пиночета в Чили. А «трагические события», то бишь некие безымянные «обстоятельства», случайно «случившиеся» и не имеющие ни автора, ни исполнителей. Причём расстрел якобы способствовал избеганию обществом Гражданской войны и укреплению страны, а «венцом», скрепляющим сей «победоносный успех» Ельцина, стало принятие Конституции. . .

При этом ничего не сказано о том, что именно после расстрела Дома Советов, чьи лидеры встали на вполне законный путь про-

тивоедействия губительной ельцинской либеральной политике, началось окончательное ограбление и закрепощение подавляющей части российского народа. То есть подлинная тихая Гражданская война, получившая у демографов название «Русский крест 90-х».

Такой лживой и угодливой фигуры умолчания большинство никогда не примет.

Песнь о креаклах

XXI век (путинские и медведевское президентство) представлены в Концепции учебника крайне развёрнуто и подробно, вплоть до второго избрания В. Путина президентом в 2012 г. Такое подробное описание современности, во-первых, противоречит традиции школьных учебников. И, во-вторых,

естественным образом, вынуждает сократить описание XX века, в том числе Великой Отечественной войны.

Правда, из итогового варианта Концепции в последний момент перед его передачей президенту всё же убрали имена олигархов Б. Березовского и Ю. Ходорковского. Но зато оставили певца Ю. Шевчука и писателя Б. Акунина. Притом, что ни об Иване Сусанине, ни об Александре Матросове, ни о Николае Гастелло в Концепции никаких сведений по-прежнему нет. Как видно, без активистов «болотных революций» в наше время в школьном учебнике никак не обойтись — в отличие от героических исторических образов, на которых воспитывались все предшествующие поколения?..

И кто-то считает, что большинство это примет?

К слову, о Шевчуке и Акунине: нельзя не заметить, что авторы Концепции проявляют беспрецедентную предвзятость во всём, что касается оценки роли нашей интеллигенции. Во всём, что касается ответственности этой интеллигенции за те бедствия, о которых авторы Концепции стыдливо умалчивают.

В Концепции утверждается, что в конце XIX в. сложился *«уникальный феномен российской интеллигенции, во многом определявшей социокультурную среду эпохи и по самой своей природе противостоявшей власти»*.

В чём уникальность феномена? Каково качество этой уникальности? Как эта уникальность содействовала формированию социокультурной среды эпохи? Какие качества она придала этой самой социокультурной среде? В чём была его природа? И почему эта

природа была фатально запрограммирована на противостояние с властью? Каковы доказательства наличия чего-то подобного? Я уж не говорю о том, что если оно наличествует (по мне, так это безусловно не так), то надо говорить о том, что именно наличествует. В одном рассказе Зощенко герою, потерявшему номерок, гардеробщик в бане предложил подождать и взять то, что останется. Герой возражал: мол, что если останется самое барахло?

То же самое с этой самой природой, феноменальностью и так далее. А ведь казалось бы (всем нормальным людям и вменяемым историкам), что природа интеллигенции в том, чтобы связывать власть и народ, влияя на власть там, где это необходимо, и таким образом служа Родине. Равно как крестьянин служит Родине, сея хлеб, а дворя-

нин — сражаясь на поле брани... Но нет, оказывается, интеллигенция — это некое «само в себе» сословие, которое никому не служит, а лишь «противостоит» (сидя на интеллигентских кухнях). Впрочем, в 90-е годы, после небывалого предательства нашей интеллигенцией своего народа (в обмен на искомое «обретение комфорта») эта её испоганившаяся природа и без Концепции стала всем вполне очевидна... Однако письменное признание никогда не повредит. Жаль лишь, что это признание делается так поздно и тошнотворно приторно. Жаль также, что адресовано оно детям, а не их наивным советским родителям.

Пушкин и немецкая слобода

Наконец, Концепция принципиально отвергает «концентрическую» систему преподавания истории. Имеется в виду постсоветская система, в соответствии с которой в школах до 10 класса проходят всю историю, а затем, в последние два года обучения, вновь сокращённо повторяют весь курс. Но означает ли отмена «концентрического» преподавания, что мы вернёмся к нормальной, существовавшей в СССР, линейной системе, когда история изучалась последовательно вплоть до 11 класса?

Ничуть не бывало! Просто теперь в конце школьного обучения предложено преподавать не сокращённый классический курс истории, а некий предмет под названием «История России в мировом контексте». Это —

давняя идея-фикс вышеупомянутого А. Чубарьяна. В связи с этим нельзя не понимать, что российское общество развивалось своим особым путём, и нет мерок, которыми возможно сравнить материалистическую живопись Возрождения и русскую, духовную, иконопись. Однако в результате навязывания прямых аналогий и попыток искусственно вписать историю России в западную рождается главный либеральный миф — миф о «вечном отставании» России от Запада.

Данный миф рождает такие фигурирующие в новой Концепции казусы, как *«внёсшие неоценимый вклад в развитие российской культуры выходцы из стран зарубежной Европы»*, а также *«немецкая слобода как проводник европейского культурного влияния»*. При этом о действительно неоценимом вкладе Пушкина, соединивше-

го мир традиционной и дворянской русской культуры и создавшего современный русский язык, в Концепции не сказано ни слова. Как не сказано ни слова и о неоценимом вкладе Льва Толстого и других русских писателей, композиторов и пр. в европейскую и общемировую культуру. Пушкин, Толстой, Достоевский, Рахманинов и другие наши величайшие гении перечислены лишь в словарики «персоналий».

А ведь Концепция претендует на то, чтобы сменить порицаемое ею традиционное *«доминирование в российских учебниках политической истории при бедности и схематизме историко-культурного материала»*. Авторы Концепции, по их уверению, намерены заставить российских школьников усвоить, что *«производство духовных и культурных ценностей — не менее важ-*

ная задача, чем другие виды человеческой деятельности».

Но о каких духовных и культурных ценностях идёт речь? О производимых анекдотически «влиятельной» в России немецкой слободой?.. Или всё же «общественный договор» состоит в том, чтобы ориентироваться на действительно великие образцы нашей культуры, знания о которых прекрасно передавала советская школа?

Сегодня перед нами стоит простой выбор. Либо патриотическое гражданское большинство заявит о своём протесте в полный голос — либо подрастающему поколению начнут прививать антипатриотизм и либеральную чернуху вместо истории, причём на этот раз в общероссийском масштабе.

Либо родители, педагоги и просто небезразличные граждане сегодня сплотятся в

противодействию фальсификации истории —
либо завтра будет уже поздно.

Ирина Кургинян

Мироустроительная война

Саудовский демарш

Разгром «Братьев-мусульман» в Египте сопровождается беспрецедентным антиамериканским демаршем Саудовской Аравии, оказавшейся политическим противником США и по сирийской, и по египетской линиям

В прошлом выпуске газеты мы подробно рассмотрели настойчивое участие Саудовской Аравии в судьбе Египта и впечатляющие объ-

ёмы саудовской помощи Каиру в период отстранения от власти «Братьев-мусульман».

Казалось бы, после этого самое время поговорить о нынешней судьбе самих «Братьев-мусульман» на новом витке мироустроительного передела на Ближнем Востоке.

Однако совершенно невозможно пройти мимо того обстоятельства, что именно сейчас не утихает беспрецедентный саудовско-американский дипломатический конфликт, который Саудовская Аравия как проамериканская страна должна бы была гасить. Ан нет. Она его всячески разогревает. Так что теперь судьбу «Братьев-мусульман» в Египте невозможно рассматривать в отрыве от этого конфликта. Но о конфликте чуть позже. Сейчас же — о том, что «Братья» — это второе по счёту, следом за Сирией, яблоко раздора в отношениях между США и Саудовской Ара-

вией. Перед тем, как начать обсуждать это второе яблоко, надо основательно разобраться с первым.

Долгое время в мечетях Саудовской Аравии повсеместно звучали проповеди с призывом ехать в Сирию для борьбы с «неверными» (то есть с режимом Асада в Дамаске, опирающемся на алавитов). Однако теперь, казалось бы, отношение саудовского духовенства к этому вопросу изменилось. В последних числах октября об этом высказался верховный муфтий Саудовской Аравии Абдулазиз аль-Шейх. В своей речи он не советует молодым саудовцам ехать воевать в Сирию. И подчёркивает, что для тех, кто желает встать на путь джихада, участие в боевых действиях вовсе не является обязательным.

В то же время муфтий решительно призывал имамов Саудовской Аравии скоррек-

тировать содержание своих проповедей так, чтобы не побуждать молодых саудовцев ехать в Сирию. По мнению муфтия, пропаганда добровольчества «обманывает молодых мусульман».

Что же означает такой призыв? Неужели Саудовская Аравия так круто изменила отношение к режиму Башара Асада? Ничуть не бывало. Верховный муфтий рекомендовал саудовской молодёжи не воевать, а молиться за повстанцев, потому что слабо подготовленные добровольцы были бы обузой настоящим бойцам. То есть, надо понимать, профессиональным моджахедам.

И слова муфтия означают не смягчение саудовской позиции по сирийскому вопросу, а уточнение стратегии.

В этом легко убедиться, если посмотреть, какие заявления в этот же период делает

светское руководство королевства.

Незадолго до выступления верховного муфтия о «крутом развороте» внешней политики страны объявил глава саудовской разведки принц Бандар бин Султан. 22 октября об этом сообщило агентство Рейтерс. А помимо сведений агентства, статья на ту же тему появилась в *The Wall Street Journal*. По сообщению этого американского издания, принц объявил об охлаждении отношений между Эр-Риядом и Вашингтоном, а также о том, что Саудовская Аравия в дальнейшем не намерена ориентироваться на Вашингтон. Заявление громкое и осторожной Саудовской Аравии несвойственное.

И, очевидно, не случайно публикация вышла сразу после того, как в Париже произошла встреча между госсекретарём США Джоном Керри и главой саудовского МИДа

принцем Саудом аль-Фейсалом. Встреча, как говорят, прошла непросто.

The Wall Street Journal приводит список причин, которые Бандар выдвигает для обоснования изменений саудовского курса.

Среди них первая и главная — это отказ США от бомбардировок Сирии, который принц Бандар считает тяжёлой ошибкой. Так что трактовать призывы саудовского духовенства к сдержанности в отношении войны в Сирии как смягчение позиции отнюдь не приходится. Тем более, что принц Бандар активно участвовал в вооружении сирийской оппозиции. В частности, осенью 2012 именно подручными Бандара в Хорватии были закуплены и направлены в Сирию вооружения (тяжёлые в том числе).

Затем в списке The Wall Street Journal следует упрёк в адрес США за попытки нала-

дить отношения с Ираном.

Кроме того, саудовцы ставят в счёт Америке и попустительство заселению Израилем палестинских территорий, и многое другое. В том числе и отказ США перед ожидавшимся ударом по Сирии направить по просьбе Эр-Рияда дополнительные корабли в Персидский залив для защиты восточных провинций Саудовской Аравии от Ирана.

Поскольку принц Бандар долгие годы считался одним из самых проамериканских политиков Саудовской Аравии, то именно его выступление должно подчеркнуть резкость изменения курса.

В последнее время Эр-Рияд уже объявлял, что намерен теперь закупать вооружения не только у США и их союзников. Нетрудно предположить, что это означает, если взглянуть на контекст этих заявлений.

Китайское агентство Синьхуа сообщает, что 28 октября в Эр-Рияде состоялся первый Китайско-саудовский форум по нефтеперерабатывающим технологиям, организованный Саудовской Аравией.

Синьхуа уточняет: «Глава её Научно-технологического городка имени короля Абдулазиза доктор Мохаммед ал-Сувайл отметил, что его страна служит крупнейшим в мире производителем и экспортёром нефти, а Китай как второй потребитель этого товара на планете владеет передовыми нефтеперерабатывающими технологиями, поэтому между двумя государствами существуют большие потенциальные возможности для взаимодействия. Саудовская Аравия как крупнейший поставщик сырой нефти в Китай в 2012 году экспортировала туда

рекордные 53,9 млн баррелей».

Но ведь китайской поддержки, наверно, всё-таки недостаточно для таких резких шагов, какие совершает Саудовская Аравия. А значит, не все саудовские политические карты открыто лежат на столе. И, несмотря на постоянно курсирующую в СМИ информацию про саудовские миллиарды и баррели, Саудовская Аравия в нынешнем дипломатическом столкновении с США, как говорил поэт, «играет не из денег». Она борется за приемлемую для неё конфигурацию политической и духовной власти во всём ближневосточном регионе. Ради меньшего не прозвучал бы голос верховного муфтия.

А ведь помимо статей, которые мы только что обсудили, звучат и заявления саудовских высоких лиц. Тот же принц Бандар в 20-х числах октября собрал в порту Джидды

дипломатов, в присутствии которых объявил: *«Нам предстоит решающий поворот от США. Саудовцы больше не хотят находиться в зависимом положении».*

А вот заявление принца Турции аль-Фейсала, предшественника принца Бандара на посту главы саудовской разведки: *«Вся эта клоунада с международным контролем над химическим арсеналом Асада была бы просто смешной, если б не была столь откровенным предательством. Её смысл состоит не только в том, чтобы позволить господину Обаме дать задний ход, но и в том, чтобы дать Асаду возможность убивать свой народ».*

Только теперь, обсудив первое, сирийское, яблоко раздора, мы можем перейти к обсуждению второго яблока под названием «Братья-мусульмане».

Все компетентные источники утверждают, что вторая по счёту причина серьёзного охлаждения отношения Саудовской Аравии к США — это утвердившееся в арабском мире представление о том, что Америка ставит в регионе именно на «Братьев-мусульман». А значит, саудовские заявления о смене политического курса тесно связаны с тем, что происходит с «Братьями-мусульманами» в Египте. А именно — с их запрещением и судебными преследованиями.

Интересно, что изменение отношения Саудовской Аравии к «Братьям-мусульманам», как считается, маркировано сентябрём 2001 года.

Когда-то, в незапамятные 60-е годы XX века, «Братья» получали в Саудовской Аравии политическое убежище. Спустя полвека отношение саудитов к «Братьям» претерпело зна-

чительные изменения.

Так, после террористической атаки на башни в Нью-Йорке 9 сентября саудовский наследный принц Наиф ибн Абдул Азиз называл «Братьев» «источником всех бед арабского мира». Ничего себе определение для единоверцев? В любом случае констатируем, что саудовская разведка не самая слабая в мире. И такие сильные определения не могли возникнуть на пустом месте.

Это было двенадцать лет назад. А теперь?

К середине 2013 года оценки «Братьев» в арабском мире не стали более сдержанными. Так, ливанская ежедневная газета «А-Нахар» сообщала, что в Египте заметили нежелание США осуждать деспотические методы президента-исламиста Мурси после его прихода к власти и сделали вывод о том, что «США находятся в одной кровати с

«Братьями-мусульманами».

Вдумаемся в парадоксальность происходящего.

В арабском мире США обвиняют в интимных отношениях именно с той исламистской группой, которую считают нечуждой самому громкому теракту в истории Америки... На что именно намекает арабский мир?

Ещё в 2005 году кувейтская газета «Аш-Шарк-аль-Аусат» подчёркивала, что «все активисты Бен Ладена и «Аль-Каида» вышли из-под плаща «Братьев-мусульман». Ведь признанный организатор теракта 9 сентября Халид шейх Мохаммед состоял в Кувейте в рядах «Братьев-мусульман», а глава «Аль-Каиды» Айман Аз-Завахири вышел из египетских «Братьев»...

Прошло несколько лет, и вот в ноябре 2011 года ливанская газета «Al-Diyar» публикует

следующие сведения: «Трудные и малопродуктивные переговоры США и «Братьев-мусульман» продолжались четыре года (уже интересно, правда? — М.П.). Две недели назад был достигнут прорыв. По соглашению между сторонами, «Братья-мусульмане» берут под контроль весь Ближний Восток (!). В обмен они обязуются уничтожить «Аль-Каиду».

Предположим даже, что приведённые здесь сведения несколько неточны (хотя почему им обязательно быть неточными?). Однако с учётом такой возможности описанная картина отражает более чем непростые отношения между радикально-исламскими организациями, одна из которых начинает открыто выступать в роли американского фаворита. К этому фаворитизму в арабском мире многие относятся очень негативно. И в чис-

ле этих многих — Саудовская Аравия.

В связи с этим хотелось бы отдельно обсудить получившие широкую известность данные египетского журнала «Rose El-Youssef», опубликованные в начале текущего 2013 года.

Поскольку ситуация с вышеописанным «политическим адюльтером» уже практически приводит к международному скандалу, то нужно вновь привести эти сведения — с необходимой полнотой.

Итак, журнал «Rose El-Youssef» сообщил, что в администрацию президента США Барака Обамы внедрились и работают шесть представителей «Братьев-мусульман». И что им вполне удалось превратить страну «в самого крупного и важного спонсора» указанной организации.

Далее журнал перечисляет конкретные

имена, которые хотелось бы привести и здесь. Итак...

Помощник министра внутренней безопасности США Ариф Алихан. Как утверждает египетский журнал, Алихан — один из основателей Всемирной Исламской Организации, являющейся дочерней по отношению к «Братьям-мусульманам». Кроме того, журнал утверждает, что Ариф Алихан, отвечая за «арабское направление» в администрации, является прямым посредником в отношениях между США и силами «арабской весны».

Итак, №1 — помощник министра внутренней безопасности.

№2 — Мухаммед Элибиари, известный поклонник одного из теоретиков исламского фундаментализма и идеолога «Братьев-мусульман» Сайида Кутба. Элибиари является членом Консультативного совета по на-

циональной безопасности. Египетский журнал утверждал даже, что именно Элиабари — один из творцов контр-террористической стратегии Обамы и даже автор речи американского президента с требованием отставки Хосни Мубарака.

№3 — Рашид Хуссейн, специальный посланник США в Организации Исламская Конференция (ОИК). О нём известно, что он участвовал в работе Совета американских мусульман, глава которого Абдульрахман Аламуди был признан виновным в финансировании терроризма.

№4 — Салам аль-Марайати, основатель Мусульманского совета по связям с общественностью. Как утверждает египетский журнал, тесно связан с «Братьями-мусульманами».

№5 — Имам Мухаммед Маджид, гла-

ва Исламского общества Северной Америки, созданной членами ассоциации «Братьев-мусульман». Интересно, что в 2011 году Маджид был назначен Обамой советником министерства национальной безопасности.

№6 — Эбу Пател, член Президентского совета религиозного сотрудничества, а также друг внука основателя «Братьев-мусульман» Хасана аль-Банна, член Ассоциации мусульманских студентов.

Этот список был опубликован египетским журналом и сразу же разошёлся по англоязычному (и не только) интернету. Если в нём содержатся преувеличения, то почему бы администрации Обамы не опровергнуть сведение, получившие весьма широкое распространение? Тем более, что после смены власти в Египте интерес читателей к этому списку снова разгорелся. Где же эти опроверже-

ния?

Не исключено, конечно, что к нынешней осени американской администрации стало уже не до списков. Поскольку оказалось, что опровергать приходится всё больше обвинений.

В конце сентября некий египетский адвокат подал жалобу прокурору с требованием включить в список сторонников террора Малика Хуссейна Обаму, сводного брата президента США. Более того, юрист заявил, что старший брат Барака Обамы тесно связан с «Братьями-мусульманами». И Малик Хуссейн Обама вынужден был это опровергать.

Таким образом, приходится констатировать, что идущий разгром «Братьев-мусульман» в Египте сопровождается весьма яркими сопутствующими процессами — беспрецедентным антиамериканским демаршем

Саудовской Аравии, оказавшейся политическим противником США и по сирийской, и по египетской линиям. И всё это продолжается на фоне постоянно ведущегося арабскими СМИ нелицеприятного «мониторинга» отношений египетских «Братьев-мусульман» с США.

Почти весь год, в течение которого выходила газета «Суть времени», мы следили за военными конфликтами на Ближнем Востоке как частью большой мироустроительной войны в регионе. Теперь, как мы видим, эта игра усложняется. Саудовские союзники США разочарованы тем, что США не нанесли удар по Сирии. Их не устраивает схема коммуникаций США с арабским миром, основанная на высшем приоритете «Братьев-мусульман». Но ведь и сами США отнюдь не с радостью отказались от бомбардировок Си-

рии. А значит, вскоре ближневосточный мироустроительный конфликт неминуемо переходит в новую фазу. Как именно выглядит эта фаза, мы продолжим следить в последующих номерах.

Мария Подкопаева

Концептуальная война

Теория элит и неравенство — от концептов к идеологии

Цинизм «Государя» критиковали многие властные современники — они опасались, что такое раскрытие «кухни власти» может стать оружием против власти

Густав Лебон

Теория элит (которую иногда, избегая слова «элиты», называют социологией власти,

теорией социальной стратификации и пр.) как отдельный раздел социальной науки возникла только в XIX веке и далее получила развитие в веке XX.

Были, конечно, и достаточно древние труды по социальному управлению — вплоть до подробных наставлений о правах и обязанностях каст и сословий. Однако главным предтечей теории элит весь мир признает флорентийского политика и философа рубежа XV—XVI веков Никколо Макиавелли. Который — почти за четыре века до научной социологии — в трактатах «Рассуждения на первую декаду Тита Ливия» и «Государь» впервые рассмотрел тот комплекс проблем, которые позже поставила перед собой социология власти.

При этом Макиавелли, обсуждая действия правителя, открыто противопоставил

моральные нормы (освящённые религией), человеческие законы (освящённые традицией) — и политическую целесообразность для самого правителя и для государства, которым он правит. Макиавелли заявлял, что политическая целесообразность — важнее морали и закона, и что правитель может и должен пренебрегать всем, кроме успеха правления. Презирать плебс, лгать соседям и подданным, предавать союзников, нарушать законы, проявлять мало милости и много жестокости, внушать подданным не только любовь, но прежде всего страх.

Конечно, то время было очень жестоким — с захватами большей части территории Италии странами-соседями, с регулярными государственными переворотами, предательствами, войнами городов-государств между собой. И Макиавелли считал, что любой цинизм

правителя может быть оправдан целями прекращения иноземных вторжений, междоусобных войн, низовой смуты и создания устойчивой государственности.

Но цинизм «Государя» критиковали даже многие властные современники. И не за цинизм — у властных семейств вроде Медичи или Борджиа своего цинизма хватало. Просто они опасались, что такое раскрытие «кухни власти» может стать оружием против власти. Не случайно Ватикан после смерти Макиавелли включил «Государя» в Индекс запрещённых книг.

Однако Макиавелли, не оглядываясь на критиков, утверждал, что государственный интерес оправдывает цинизм правителя прекращением смуты. Но при этом особо подчёркивал, что править без поддержки масс — нельзя. И что правитель, презирая, обманы-

вая, карая массы, тем не менее должен обязательно обеспечивать себе их поддержку.

В этом смысле «Государь» — не только трактат по теории элит, но и одно из первых практических руководств по тому, что нынче называют политтехнологиями — управления элит массами с позиций человеческого неравенства. И, отмечу, не случайно одна из наиболее известных российских политтехнологических фирм называется «Никколо-М».

На рубеже XX века теорию элит активно развивали многие социологи: Гаэтано Моска, Вильфредо Парето, Роберто Михельс, Гюстав Лебон, Жорж Сорель и другие.

Однако союз империалистической буржуазии и родовой аристократии отбирал из их концептуальных наработок главное для целей своей атаки на коммунизм, равенство, свободу, братство:

— обоснование вечности человеческого неравенства;

— противопоставление элиты и презираемых масс, толпы, «быдла» (здесь читатель, надеюсь, вспомнит нынешние российские «околоболотные» рассуждения о «дельфинах и анчоусах», «пчёлах и мухах», «праве креативного класса» и т.д.);

— политтехнологии сочетания «презирающего управления массами» — и обеспечения поддержки этих масс.

Что же было сказано в трудах по теории элит из того, что могло пригодиться для атаки на «красных» и либералов с их призывами к равенству?

Г. Моска в работе «Элементы политической науки» (1896 г.) подчёркивал, что во все эпохи элита («политический класс») имеет право и обязанность властвовать над массами

на основе таких своих качеств, как моральное, интеллектуальное и материальное превосходство и, как следствие, способность к управлению людьми. Среди важнейших качеств элиты Моска особо выделяет организаторские способности (и прежде всего способность самоорганизоваться): *«Господство организованного меньшинства над неорганизованным большинством неотвратимо»*.

Моска также указывал, что главная опасность для элиты не массы, а претендующее на власть альтернативное организованное меньшинство (фактически то, что позже было названо контрэлитой), которое, в случае вырождения и ослабления властной элиты, вступает с ней в политический конфликт и становится новой элитой: *«В действительности можно сказать, что вся история*

цивилизованного человечества сводится к конфликту между стремлением господствующих элементов монополизировать политическую власть и передавать обладание этой властью по наследству — и стремлением к вторжению на их место новых сил».

При этом Моска, полемизируя с марксизмом, подчёркивал первичность политики в сравнении с экономикой. Он утверждал, что именно политическая власть организованного меньшинства элиты над неорганизованным большинством массы позволяет в ходе реализации этой власти обеспечивать безусловное экономическое доминирование. Отметим, что этот тезис Моска позже взяли на вооружение фашисты итальянские (Муссолини) и германские (Гитлер). Которые после прихода к власти при поддержке буржуазии

достаточно жёстко «пригнули» буржуазную экономическую верхушку в своих странах.

В. Парето в своих книгах (в частности в труде «Социалистические системы», 1903 г.) высказывал убеждение в том, что людям присуще глубокое неравенство: «Человеческое общество неоднородно, и индивиды различаются интеллектуально, физически и морально». Элита в силу её превосходства над массой по этим качествам выделяется из массы своей психологической способностью управлять другими.

Однако эти свойства правящей элиты не абсолютны: она начинает делать ошибки (деградирует, теряет свои качества превосходства) и выводит общество и государство из политического, социального, экономического равновесия. И тогда её постепенно вытесняет или революционно меняет новая правящая

элиты, и цикл повторяется, то есть происходит «ротация элит». Парето пишет: *«Аристократия переживает упадок не только количественный, но и качественный... Правящий класс пополняется семьями, происходящими из низших классов... История — кладбище аристократий».*

При этом Парето указывает, что основной дефект правящих элит, приводящий их к потере власти, — неспособность вовремя уловить те требования реальности, которые создают необходимость менять методы организации масс и социального управления. Он впервые сформулировал важнейшее понятие теории социального управления — «ресурс согласия управляемых» (основанный на умении элит убеждать массы в своей правоте). А также подчёркивал (во многом опираясь на Макиавелли) значимость в элит-

ном управлении эмоциональной манипуляции массами: *«Политика правительства тем эффективнее, чем успешнее она использует эмоции толпы»*. Именно этот вывод Парето с успехом использовали в своей пропаганде фашисты.

Р. Михельс начинал свои социологические исследования как социалист. Но далее, придя к выводу, что *«прямое господство масс технически невозможно»*, стал противником любой демократии и провозгласил «железный закон олигархизации».

В книге «Социология политической партии в условиях современной демократии», вышедшей в 1911 г., Михельс утверждал, что любая форма демократической власти (партийной, профсоюзной, государственной) в конечном итоге обязательно создаёт управляющую организацию подавляющего меньшин-

ства, которая превращается в олигархию. Почему? Потому, что сложная специфика профессии управленца в сложной социальной, экономической, политической среде лишает массы возможности контролировать управленцев. Потому, что массы испытывают страх перед проблемами, которые они не в силах решить. И потому, что в этих условиях вожди неизбежно навязывают свою волю подвластным.

Эти выводы Михельс делал на основании убеждённости в исходном человеческом неравенстве и специфической психологии «массового человека». Которому, по Михельсу, свойственны *«...политическая индифферентность, некомпетентность, потребность в руководстве, чувство благодарности вождям, создание культа личности вождей»*. И значит, любые политические

программы, берущие на вооружение лозунги демократии, в реальности лишь затушёвывают стремление одних удержать власть и стремление других эту власть захватить: «... вечная борьба между аристократией и демократией на деле, как свидетельствует история, является лишь борьбой между прежним меньшинством, защищающим своё господство, и новым честолюбивым меньшинством, стремящимся к завоеванию власти...».

Г. Лебон был, в отличие от Моска, Парето или Михельса, убеждён в наличии именно антропологического неравенства людей. В работе «Психология народов» (1895 г.) Лебон писал: «... новейшие успехи науки выяснили всё бесплодие эгалитарных теорий и доказали, что умственная бездна, созданная прошлым между людьми

и расами, может быть заполнена только очень медленными наследственными накоплениями».

При этом Лебон настаивал, что расовые различия неизбежно связаны и с фундаментальными цивилизационными различиями: *«... существуют великие неизменные законы, управляющие общим ходом каждой цивилизации. Эти неизменные, самые общие и самые основные законы вытекают из душевного строя рас. Жизнь народа, его учреждения, его верования и искусства суть только видимые продукты его невидимой души. Для того, чтобы какой-нибудь народ преобразовал свои учреждения, свои верования и своё искусство, он должен сначала переделать свою душу...»*

Переходя от анализа народов к анали-

зу политической организации («Психология толп», 1897 г.), Лебон утверждал, что большинство людей из-за их волевой и интеллектуальной неразвитости не может и не хочет брать на себя труд осознанного решения проблем, и руководствуется в основном неосознанными инстинктами. Причём это их свойство приобретает особое значение, если они объединяются в толпу: *«При известных условиях... собрание людей имеет совершенно новые черты, отличающиеся от тех, которые характеризуют отдельных индивидов, входящих в состав этого собрания. Сознательная личность исчезает, причём чувства и идеи всех отдельных единиц, образующих целое, именуемое толпой, принимают одно и то же направление... Собрание... становится тем, что я назвал бы... организованной*

толпой, ... составляющей единое существо и подчиняющейся закону духовного единства толпы».

Лебон подчёркивает, что это касается не только сборищ плебса, но и собраний образованных людей, и что рост власти толпы — в отличие от исторических государственных образований, которые управлялись аристократией, — признак угасания цивилизаций: *«Цивилизации создавались и оберегались маленькой горстью интеллектуальной аристократии, никогда — толпой... Владычество толпы всегда указывает на фазу варварства... Главной характерной чертой нашей эпохи служит именно замена сознательной деятельности индивидов бессознательной деятельностью толпы».*

Лебон неоднократно подчёркивает, что в

толпе у людей пропадают рациональность оценок и осмысленность действий, падают ответственность, самостоятельность, критичность и, в конечном итоге, исчезает личность как таковая. И этот его вывод (равно как и постулат антропологического неравенства, касающийся не только разных рас и народов, но и индивидов внутри одного народа) сполна использовали в политической практике вожди итальянского и германского фашизма. Как свидетельствуют очевидцы, оба названных труда Лебона, и в особенности «Психология толп», — позже стали «настолярными книгами» у Муссолини и Гитлера.

Ж. Сорель, начинавший свой научный и политический путь как марксист, вскоре ушёл от марксизма в анархо-синдикализм в духе Прудона. А затем стал переосмысливать социалистические идеи как отражения

«естественной» иррациональности представлений о благе. Из такого переосмысления Сорель сделал вывод («Размышления о насилии», 1906 г.), что любая социальная группа глубоко пропитана иррационализмом и целостно воспринимает мир лишь в форме законченного мифа.

По Сорелю, именно такой миф, непротиворечиво соединяющий рациональное и иррациональное и создающий полный образ желанной реальности, обладает способностью обеспечивать мобилизацию масс на исторические свершения. Причём в этот миф обязательно входит идея благого преобразования мира через насилие: *«Миф — это реализация надежд через действие; но он не служит доктрине, так как доктрины и системы суть интеллигентские спекуляции, имеющие мало общего с реальной*

схваткой и интересами пролетариев. Насилие — это доктрина в действии, чистая воля, а не умственная конструкция». Сорель был убеждён, что в основе мифа о революции лежит идея «нравственной ценности насилия» над неблагим миром. И потому «насилие является ключевой движущей силой истории».

«Размышления о насилии» также стали настольной книгой Муссолини. Который говорил, что «... именно этот учитель синдикализма через свои теории о революционной тактике более всех способствовал формированию дисциплины, энергии и силы фашистских когорт».

Вот из какой суммы социологических идей властные элиты начала XX века начали формировать «военно-концептуальную базу» для борьбы с марксистским кол-

лективизмом и идеологиями равенства. То есть, создавать разного рода управляемые «национально-коллективистские», «расово-коллективистские» и иные концептуальные и идеологические альтернативы.

Какие именно? — мы обсудим далее.

Юрий Бялый

Война идей

**«Новый наряд короля», или
О специфической пользе раз-
мытости понятия «толерант-
ность»**

Право не иметь этого высшего — по сути, право на оскотинивание — очень воинственно блюдут. Попробуйте только задумать побег! Вас мгновенно оттолерантят

Лариса Никифорова

Как-то не столь давно привелось мне поговорить о толерантности с одной известной интеллигентной и насквозь либеральной дамой. Случилось это после телепередачи, где мы, вопреки какой-либо логике и политической предопределённости, почему-то оказались на одной стороне. То есть защищали одну и ту же «сторону», потерпевшую от беспредела органов опеки. Конкретный случай тут неважен — не о нём речь. То, что мы с этой известной дамой, феминисткой и жуткой «западницей», оказались по одну сторону баррикад — более интересно, но тоже не столь важно. Видимо, она, не очень разобравшись, что речь о пришествии к нам западной ювенальной юстиции, просто искренне возмутилась, что у незащитного бедного человека — молодой матери — отняли ребёнка. В роддоме. Фактически похитили и в приёмную се-

мью отдали. Так сейчас бывает.

Ну, в общем, этот возмутительный случай по-человечески возмутил известную феминистку, мы выступили заедино. А потом разговаривались. И как-то разговор коснулся ЛГБТ. То есть «святого». И я, увы мне, на святое мимоходом грубо посягнула. Феменистка, только было увидевшая во мне интеллигентного человека, страшно расстроилась: «Как? Вы — против голубых?? Но почему???» Дабы не увязать в этой безнадёжной теме, а отделаться побыстрее, я сказала, что-то, типа «так ведь содомия же». Но именно это было ошибкой. Дама сначала не на шутку растерялась: «Так это когда было? Это где сказано — в Библии?!», — и тут же схватилась за «спасительную» догадку: «А... Вы православная, да?». Чем поставила в тупик уже меня — ведь совершенно не обязательно быть

воцерковлённым человеком, чтоб понимать смысл и силу религиозного запрета, давно являющегося общекультурным, да и возникшего задолго до православия. Сообщив мне, что сама исповедует буддизм, активистка борьбы за женские права и вообще общечеловеческие (в данном контексте «обще» не должно смущать, речь идёт только о «меньшинских» правах, ибо — если вы не в курсе — только меньшинство является носителем «человеческого»), она попыталась объяснить мне, почему так важно поддерживать меньшинства. Но не преуспела. Как, собственно, и я. Я тоже не смогла объяснить, почему это в корне не так. Ну, а уж вскользь брошенные слова насчёт неомальтузианской подоплёки всех этих продвижений ЛГБТ как высокой моды и новой нормы — вообще повергли даму в шок. «Это конспирология!» — воскликнула она, и

мы обе, поняв, что всяко останемся при своих, оставили «радужную» тематику.

Как ни странно, мимолётный разговор с представительницей иных воззрений оказался для меня познавательным. Стало понятно, что именно принципиально разделяет «продвинутых» носителей новых убеждений с «консервативной» частью человечества. Наиболее показательным было презрительное и очень искреннее восклицание про Библию. И дело не в специфически понятом на Западе «буддизме». Дело в том, что постмодернистская субкультура, кокетливо цепляющаяся за буддизм в духе Нью Эйдж или любое другое нью-эйдж, вообще не имеет — принципиально не признаёт — «вертикали». Никакой вертикали, иерархии. Нет вертикали смыслов, авторитетов, нет сакральных иерархий! Ничего, что являло бы собой «верх», мо-

гущий собрать и держать многообразие форм и видов, расположившихся на плоскости. Всё происходящее происходит на ней, на плоскости. Например, ничто не объединяет народы, рассыпанные по территории. Ни государственная конструкция (о, эта ужасная вертикаль власти!), ни идеология (прочь, прочь кошмар ночей!), ни целеполагание (какие ещё цели, одна живём!), ни даже нравственные запреты (все вправе иметь свой «нравственный закон»). И что тогда должно удерживать этот зоопарк от взаимного поедания? Да-да, правильно, толерантность в её медицинском (и очень верном) толковании — как отсутствие реакции на инородное. А чем может быть вызвано такое отсутствие? Только размытостью собственной идентичности.

И в этом — принципиальная новизна нынешнего мира. Согласитесь, прежде мир

держался иным способом. На иной основе. Он держался сильным собирающим началом. Различия всех родов, видов (а также индивидов), слагающих общность, *преодолевались*, и как продукт возникал новый синтез — народ, государство, религией определяемая «цивилизация» и т.д. Возникало новое целое *более высокого порядка*. Высокого! Это более высокое могло задавать нормы и правила слагающим его элементам. А также вести диалог с иными «высокими целостностями».

То же, что мы теперь видим, что нам упорно «втюхивают» — это... А ведь знаете, не такое уж оно и новое! Это, пожалуй, то самое «новое», которое «хорошо забытое старое». Помните, «если Бога нет, то всё позволено»? Давно ведь было сказано. Ну, вот его теперь нет, и не только в прямом религиозном смысле. Высшего начала, разделяю-

щего «хорошо» и «плохо», для человека ХХI века быть, оказывается, не должно, его отменили как бы в приказном порядке. (Кстати, очень симптоматично, что в приказном). Право не иметь этого высшего — по сути, *право на оскотинивание* — очень воинственно блюдут. Попробуйте только задумать побег! Вас мгновенно оттолерантят. Чисто тоталитарным манером. Хотя и с поправкой на новейшие «интеллектуальные технологии». О степени управляемости современного человека и современного общества вряд ли будем спорить? Тогда как вопрос о внутренней свободе советского человека при так называемом брежневском «совке» или, не побоюсь этого слова, «сталинщине» — это вопрос чрезвычайно интересный. Возможно, тезис, что та свобода была принципиально иной и большей, нежели в среднем у сегодняшнего рос-

сийского гражданина, требует доказательств и подробного разбора, но это уже отдельная тема.

То же, чем именно оказалась вдруг подмечена в «информационном обществе» потребность человека в познании вообще и в частности потребность в знании законов развития (столь важная для эпохи Модерна) — это вопрос, напрямую смыкающийся с разбираемой темой толерантности. Подчеркнём, что пафос научного знания, определявший во многом эпоху Модерна, органично продолжил заданную ещё основным библейским мифом проблему *ПОЗНАНИЯ как удела изгнанного из рая человечества*. Зафиксировав это, оставим материи высокие и вернёмся к конкретике. К «злобе толерантного дня».

Один из немногих авторов, не эксплуатирующих модную ныне тему толерантности, а

серьёзно исследующий её и научные спекуляции, вокруг неё множась, это доктор культурологии Л.В.Никифорова. Она пишет в статье «Толерантность — императив современной культуры?», в частности, следующее. *«Необходимо понимать, как раскрываются в современной культуре содержание привычных понятий «знание» и «информация». Знание в современной культуре — это знание, переживающее этап «разоблачение модерна», в ходе которого было поставлено под сомнение существование универсальных законов развития природы, общества. В эпоху модернизма знание понималось как процесс поступательного движения к более точному, более верному пониманию универсальных закономерностей. В культуре постмодернизма истина утратила статус абсолюта и ста-*

ла мнением, подверженным сотне разных причин. На смену поиску универсальных законов пришли процедуры интерпретации и сомнения. Этот тезис воспроизведён в «Декларации принципов толерантности» (п.1.3.): «Толерантность — это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждающее нормы, установленные в международных правовых актах в области прав человека».

Подчеркнув, что в качестве альтернативы утраченной истине предложено международное право (согласимся и мы, что это странная замена — как говорил герой О'Генри, «песок плохая замена овсу»), Никифорова далее замечает, что ныне понятия «информация» и «знание» перестали быть практически синонимами, как прежде. Что знание ста-

ло обладать личностной характеристикой, тогда как информация отчуждаема от человека. И что знание в современном обществе действительно становится «силой», причём не в зависимости от его, знания, уровня или глубины, а от способности относиться к знанию как к ресурсу и капиталу: *«Обладателю особого качества знания не нужно прямое или «жёсткое» насилие, не нужны деньги. Точнее он получит доступ и к тому, и к другому, пуская в ход т.н. «мягкую силу» интеллектуальных технологий»*. При этом цитирует Джозефа Ная, пишущего о «культуре мира» и способствующей её становлению «мягкой силе» как о — внимание! — власти над миром: *«Когда ты можешь побудить других возжелать того же, что хочешь сам, тебе дешевле обходятся кнуты и пряники, необходимые,*

чтобы двинуть людей в нужном направлении. Соблазн всегда эффективнее принуждения».

Вот такое мы видим вполне циничное признание одного из ныне ведущих американских политологов, прежде занимавшего высокие государственные посты. Что ж, успешность стратегии «мягкой силы» наше общество смогло оценить на себе — впад в перестроечный соблазн и фактически так и не выйдя из него до сих пор, то есть продолжая находиться под магией слов, важнейшее из которых сегодня — «толерантность».

Л.Никифорова обращает внимание на многие (и неслучайные, как мы можем догадываться) несуразности, содержащиеся в Декларации 1995 г. «Декларация ЮНЕСКО» (п. 1.4.) *призывает проявлять терпимость к убеждениям, внешнему виду, по-*

ложению, (статусу? — Л.Н.), речи (языку, манере говорить, или к смыслу речи? — Л.Н.), поведению и ценностям. Что стоит за перечислением через запятую таких разных понятий? Незавершённая в силу своей неисчерпаемости инвентаризация качеств личности или недопустимое с научной точки зрения смешение уровней? Странным выглядит призыв проявлять толерантность, обращённый (через запятую) и к отдельным личностям, и к государствам (п. 1.2), будто государство способно уважать или ненавидеть. Просвещенческий концепт государства как «коллективного тела» и романтический концепт нации как «коллективной личности», давно перешедшие в разряд метафор, применяются здесь буквально».

Фиксируя эти и другие особенности языка Декларации, а также стремительное завоевание (не без помощи грантов и правительственных программ) нашего научного и культурного пространства понятием «толерантность», культуролог подчёркивает, что это слово *«легитимировано и рутинизировано без прояснения содержания»*. Это отсутствие пояснения содержания, согласимся и мы, есть наиопаснейшая вещь. Потому что человечество, что называется, «играют в тёмную». Словами «толерантность» и «интолерантность» («нетолерантность») весьма опасным образом подменяют некогда богатую палитру возможных реакций на те или иные проявления. Наших реакций, между прочим.

Ведь навязанное и принятое внутрь словосимулякр не мелочь. Оно определяет восприятие. Вот сказал человек про кого-то «нето-

лерантный» и — снял множество прежних толкований поведения Другого. Приглушив тем самым для себя значимые его характеристики (очень, может быть, даже симпатичные), новый «толерантный» человек испытает, скорее всего, неприязнь к этому Другому. Ведь нежелание различать, вглядываться — чревато именно отторжением, не так ли? И что будет, кроме пресловутого «чииз»? Что будет, например, с межнациональными проблемами? Скажете, они наладятся в результате притупления реакций? Ой ли! Повторять это успокаивающее заклинание за субъектом, владеющим тем «знанием», которое есть «мягкая сила», могут только очень-очень ангажированные люди. Тамбурмажоры толерантности. К сожалению, таких ангажированных, упоённо повторяющих модное «легитимированное и рутинизированное»

слово, — весьма много.

Есть ещё одно обстоятельство, касающееся слова «интолерантность». «Интолерантность», как считает Л.Никифорова, стремительно принимает негативное звучание, хотя вообще-то научные понятия не носят, не должны носить эмоционального оттенка. *«Но зато эмоциональность может восполнить недостающий смысл. Не исключено, что вскоре интолерантность будет квалифицирована в юридических терминах, и тогда слова с расплывчатым содержанием повлекут за собой вполне конкретную уголовную или административную ответственность. «Мягкая» власть, как правило, идёт рука об руку с «жёсткими» мерами».*

Вот это и есть то главное, что зримо маячит за нынешним «дранг нах Остен» идеи

толерантности. Как легко слова с расплывчатым содержанием, вводимые всякими Декларациями и Конвенциями, оборачиваются уголовной ответственностью для тех, на кого проводники «мягкой силы» их направляют, мы уже знаем. Участвовавшие случаи применения ювенальной юстиции весьма красноречиво это показывают. Ведь право, не зря же ювенальные лоббисты не торопятся определить, что имеется в виду под «трудной жизненной ситуацией» или под «жестоким обращением». Определения нет, как нет. Всё размыто, специально невнятно и специфически спутано. Но... именно это помогает борцам за «права ребёнка» требовать абсурднейших подчас вещей. Например, уголовной ответственности по статье «истязания» (а это 8 лет!) для матери, применявшей такую меру наказания к провинившемуся чаду, как...

шлепки. «Весело», да? Но об этом в следующем раз.

Мария Мамиконян

Диффузные сепаратистские войны

«Либеральная песня» о регионализме, или Повторение пройденного

Либеральные эксперты и журналисты сейчас готовят нас к «неизбежному» расчленению Рос-

сии точно так же, как во второй половине 1980-х они же и их коллеги готовили народы СССР к «неизбежному» распаду «тоталитарного государства»

Во второй половине 1980-х годов часть управленческой элиты СССР, затеявшая «демократические реформы», организовала через СМИ широкую информационно-пропагандистскую кампанию, целью которой было убедить население страны в том, что нет иного выхода, кроме как демонтировать старую «несовершенную» государственную систему.

Параллельно, не без усилий тех же «реформаторов» в Прибалтике, на Украине, в Молдавии, в северокавказских и среднеазиатских республиках, на фоне разрушитель-

ных реформ в экономике провоцировались дискуссии о «правильном» государственном устройстве и взращивались сепаратистские настроения.

Нечто очень похожее на этот процесс мы наблюдаем в последнее время. Яркий пример — развернувшаяся с новой силой информационная кампания вокруг вопроса о «территориальной целостности Российской Федерации» с участием представителей экспертно-аналитического сообщества, обслуживающего нынешнюю власть, и либеральных журналистов.

Мы уже рассказывали о мероприятиях с участием «теоретиков» распада России, проводимых с конца 2012 года в одном из ведущих либеральных вузов страны — Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Подчеркнём, что специалисты НИУ ВШЭ участвуют в «экспертно-аналитическом обеспечении» федеральных и региональных органов власти. И обратимся к некоторым публикациям и заявлениям представителей данного окол властного сообщества.

24 сентября 2013 года в «Независимой газете» в рубрике «НГ-сценарии. Перспективы» печатается полосная статья преподавателя кафедры мировой экономики НИУ ВШЭ Игоря Макарова. Название материала «Россия как окрестность Москвы». Подзаголовок — «Чрезмерная централизация становится тормозом развития государства».

Сразу подчеркнём, что эта статья представляет собой довольно типичный образец рассуждений наших либерал-реформаторов, которые всячески пытаются оправдать регионализацию и предсказать якобы неминуемый

распад России. Подобных рассуждений (с логическими нестыковками и противоречиями, а также стремлением навязать своё решение проблемы) мы встречаем немало в последнее время на страницах газет и экранах телевизоров. А потому стоит внимательно рассмотреть этот «типичный образец».

Если следить за логикой рассуждений автора, то её можно описать как последовательность «шагов», приводящих к уже заданному (нужному автору) результату.

Шаг №1. После более чем 20 лет катастрофических «экономических реформ» автор пытается отыскать у российских регионов собственный потенциал для развития и... где-то его находит. В основном это Москва и Санкт-Петербург, а также немногочисленные (в том числе и сырьевые) регионы, куда удалось привлечь иностранные и отечествен-

ные инвестиции для развития крупных экономических и инфраструктурных проектов. Здесь же сразу ставится диагноз, что такая (чисто инвестиционная) *«модель регионального развития»* — тупиковая. И...

Шаг №2. Дальнейший поиск альтернативной и оптимальной (по мнению автора) модели происходит уже на предложенной читателю «политической шкале», где на одном полюсе стоит централизация государственной власти (якобы, препятствующая региональному развитию), а на другом — децентрализация (якобы, дающая регионам шанс для развития).

На *шаге №3* автор начинает осуществлять классическую манипуляцию в либеральном стиле: вслед за констатацией очевидной для большинства населения (и автора) объективной ситуации (*«Россия — страна, где*

относительно высокая степень централизации необходима») выдвигается тезис, подвергающий глубокому сомнению это самое «очевидное».

Цитата: *«Сейчас централизация достигла такого уровня, что не может больше обеспечивать не только эффективность, но и управляемость регионами страны... Необходим комплекс мер по увеличению гибкости регионального управления, которое заработает лишь при передаче региональным властям больших полномочий вместе с ресурсами для их реализации».*

Далее на шаге №4 автор пытается отыскать эти самые «полномочия» и «ресурсы». И говорит о необходимости *«полноценной реформы государственной налоговой системы»*, включая передачу регионам *«налога на*

прибыль и налога на недвижимость».

Ясно, что в этом случае в выигрыше останутся немногочисленные сырьевые регионы, регионы-доноры, а в остальных субъектах Федерации довольна будет только местная элита, уже и так приватизировавшая самые «жирные куски» собственности. А это мы уже проходили в конце 90-х... Однако, игнорируя сей очевидный факт, автор продолжает доказывать, что *«потребность в децентрализации... в стране назрела»*. Но... тут же сам предупреждает о её катастрофических последствиях.

Назовём это шагом №5.

Цитата: *«...В то же время её нельзя считать панацеей. Разрешив одни проблемы, децентрализация породит другие. Так, нарастающее расхождение регионов в результате децентрализации неизбеж-*

но».

(То есть, неизбежно наращивание тенденций распада России?)

«Наравне с точками роста возникнут «чёрные дыры», где власть будет не только неэффективна, но и криминогенна».

(Нам мало этих «чёрных дыр» и «криминогенной власти» сейчас?)

«В некоторых неконкурентоспособных регионах будет наблюдаться падение уровня жизни».

(Таких регионов в России уже большинство, и в них «падать» этому «уровню» уже некуда.)

«Кое-где возможно значительное нарастание недовольства региональной властью. В таких случаях, возможно, потребуются возврат к ручному управлению в ряде субъектов Федерации».

(То есть, могут возникнуть новые очаги нестабильности и «горячие точки»? В каких формах, с какими издержками и с каким результатом будет происходить этот «возврат» централизованного управления? Как в Чечне с её двумя войнами?!)

«Так или иначе, без таких неизбежных побочных эффектов реализация потенциала регионов как точек роста невозможна».

(Ничего себе, «побочные эффекты»! Эти «побочные» могут не только навсегда заблокировать потенциал развития большинства регионов, но и окончательно разрушить страну!)

Но автор на этом не останавливается.

На шаге №6 ставится под сомнение *«значительный потенциал роста»* в европейской и Центральной частях России, и обозна-

чаются уже явно неблагоприятные в экономическом отношении, в плане межнациональных конфликтов и террористической опасности регионы юга России.

А на шаге №7 констатируется, что надежда для восточных регионов России остаётся только на зарубежных спонсоров (из стран Азиатско-тихоокеанского региона), которые, по мнению автора, заинтересованы не только в поставках российских энергоносителей и сельхозпродукции, но и в развитии местного наукоёмкого производства.

Цитата: «Главным действующим регионом в прорыве в Азию должны стать Сибирь и Дальний Восток... Важным шагом должно стать открытие восточной части России (в первую очередь Забайкалья) для иностранных инвестиций, в том числе в таких секторах, как развитие ин-

фраструктуры и разработка недр».

В итоге автор приводит читателя к выводу, ради которого он и затевал свою «умственную прогулку». То есть, навязывал мысль о необходимости децентрализации государственного управления России.

Шаг №8 — ключевая (и конечная) цитата статьи: «Поворот на Восток может и должен сыграть важную роль в складывании новой модели взаимоотношений Центра и регионов. Это не только проект, способный придать импульс застоявшемуся российскому обществу. Помимо всего прочего, это ещё и признание того, что будущее России должна творить не Москва».

То есть «будущее России», за которое агитирует преподаватель из НИУ ВШЭ И. Макаров, а также слишком многие наши либерал-

реформаторы, «должны творить» инвесторы из стран АТР, США и Европы.

И за такое «будущее» российское население должно заплатить неизбежной криминализацией превращающихся в «чёрные дыры» регионов, падением (куда ещё?) уровня жизни и, в близкой перспективе, очередным распадом страны? Именно для такого «будущего» нас убеждают в «необходимости» и «неизбежности» децентрализации России?

Обратим внимание на то, что ради того «светлого будущего», в котором сейчас живёт население России, предыдущая команда «либерал-реформаторов» убеждала в благе децентрализации народы великого государства Союз Советских Социалистических Республик.

Подчеркнём, что рассмотренная статья либерального автора хотя бы чуть-чуть при-

открывает ту бездну, в которой окажется страна, пойдя по пути регионализации. Однако за последнее время в СМИ появилось достаточно много высказываний, не обременённых хотя бы поверхностным анализом последствий распада России.

Так, например, 30 сентября в интернете было широко распространено высказывание в «Твиттере» профессора факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ С. Медведева (являющегося, к тому же замдекана факультета по международным связям и ведущим на телеканале «Культура»): «... *Россия в Арктику ничего хорошего не принесла и не принесёт. Арктика — это уникальный и хрупкий объект всемирного природного и культурного наследия. По-хорошему у России как у не справившегося и безответственного хозяина Арктику надо*

отобрать и передать под международную юрисдикцию, подобно Антарктиде, с полным запретом на хозяйственную и военную деятельность».

Вот так. То есть, профессора из НИУ ВШЭ уже не только приглашают на общие мероприятия сепаратистов со всей России и учат нас, как должны строить свою жизнь регионы «с опорой на зарубежных инвесторов», но и рекомендуют международному сообществу, какие части российской территории у нас уже пора просто «отобрать».

Особую пикантность этому высказыванию придаёт то, что прозвучало оно после сентябрьских заявлений Министра обороны РФ С. Шойгу и Президента РФ В. Путина о том, что *«Россия возобновляет постоянное военное присутствие в Арктике».*

После того как В. Путин достаточно рез-

ко публично (выступая перед активом «Единой России») осадил зарвавшегося профессора, руководитель пресс-службы НИУ ВШЭ поспешил заверить, что С. Медведев высказывался *«как частное лицо»*, и что такая точка зрения не является *«экспертной позицией университета»*.

Странно... Это «частное лицо» является профессором и кроме учебной деятельности отвечает за часть международных коммуникаций НИУ ВШЭ. Такое положение не накладывает хотя бы минимальные ограничения на высказывания в публичном пространстве, которым является интернет?

Однако слишком много у нас в последнее время набирается таких «частных лиц», занимающих публичные должности и делающих заявления по совершенно не частным вопросам.

Например, 15 октября в программе «В круге света» на радио «Эхо Москвы» ведущая С. Сорокина задаёт вопрос известному своими провокационными заявлениями публицисту С. Белковскому: *«Как бы Вы выстраивали стратегию (будь Вы, Станислав, В. В. Путиным), из каких бы шагов она состояла?»*

Белковский не замедлил высказать свою позицию, которая давно известна всем, читающим статьи этого спецпублициста: *«Первое: констатация того, что Россия должна быть национальным государством европейского образца, типа Франции. . . Отделение мусульманских регионов Северного Кавказа на очень взаимоблагоприятных и дружественных условиях. . . »*

Одно «частное лицо» «отбирает» у России Арктику, другое — «дружески» отделяет Се-

верный Кавказ...

И тут же высказывается ещё одно «частное лицо». Которое, как выясняется, не видит «особой проблемы» в том, что вся часть России, находящаяся за Уралом, будет отдана Китаю...

В тот же день, 15 октября, в передаче «Особое мнение» на «Эхе Москвы» журналист (и, отметим, ещё один профессор факультета политологии НИУ ВШЭ) Е. Альбац в разговоре с ведущим А. Венедиктовым затрагивает тему экспансии Китая на территорию СНГ...

Альбац: «...У нас появился на территории СНГ такой серьёзный соперник как Китай, который входит в целый ряд республик... Инвестициями. Колоссальными покупками газовых и нефтяных полей, вложением в предприятия и так далее...»

Венедиктов: «Ну, может, и бог с ним? Ну, вошёл и вошёл, и пусть забирает, что называется. Или как?»

Альбац: «... Я тоже считаю, что бог с ним, пусть забирает. Я не вижу в этом никакой проблемы. Я, честно говоря, не вижу особой проблемы и если Россия разделится по Уральскому хребту. Я думаю, что это неизбежно... С моей точки зрения, что при том, как сегодня происходит развитие экономики и в том числе развитие Дальнего Востока, мне кажется абсолютно неизбежным, что так или иначе Сибирь станет какой-то частью, ну, экономическим каким-то вассалом Китая».

Очевидно, что либеральные эксперты и журналисты сейчас готовят нас к «неизбежному» расчленению России точно так же, как

во второй половине 1980-х они же и их коллеги готовили народы СССР к «неизбежному» распаду «тоталитарного государства».

И одновременно с этой «подготовкой сверху», — мы (как и тогда) всё чаще слышим в некоторых областях и национальных республиках России крайне недружественные заявления в адрес Москвы со стороны местной элиты и националистических организаций.

Об этих опасных процессах — в следующей статье.

Эдуард Крюков

Метафизическая война

Судьба гуманизма в XXI столетии

Неокончательная обусловленность человека теми средами, в которых он обитает, неподчинённость человека до конца той необходимости, которая диктуется ему самим фактом его обитания в этих средах, — вот что представляет собой сущность человеческая. Обес-

печить человеку полное соединение с этой сущностью — значит сделать его человеком в полном смысле этого слова

Константин Юон. Люди будущего

В предыдущем номере я одновременно обсуждал и судьбы человеческие, и определённые черты современного российского быта,

обнаруженные мною в ходе еженедельных поездок в Александровское, где «Суть времени» пытается перейти от обсуждения судебных человеческих к деланию конкретных (а через это и общечеловеческих) судебных.

При этом я предложил читателю две связи между бытовой конкретикой, мною в предыдущей статье до конца не описанной, и общечеловеческой проблематикой.

Первая связь — символ поезда. Тут ведь что мои «сапсаны» и «ласточки», что поезд Экзюпери, в котором едут люди, отчуждённые от своей моцартовской сути, что рассуждения Луи Арагона о народе как пассажиры некоего непрезентабельного вагона.

Вторая связь — само это Александровское. Ведь и впрямь если общественно-политическое движение, заявившее о готовности реализовывать новый исторический

проект, будет только рассуждать на общие темы, выступать с теми или иными требованиями, осуждать нынешних власть имущих и отрекомендовываться в качестве тех, кто изменит порядок вещей, — дело дрянь. Это вовсе не означает, что обсуждение общей — в том числе и метафизической — проблематики, проведение митингов, сборов подписей под письмами протеста, участие в выборах и так далее следует снять с повестки дня или же свести к минимуму. Никоим образом!

Всё это необходимо не только продолжать осуществлять, но и усиливать. Что мы и начали делать, выступив против того, что со- оружено властью вокруг Академии наук. Видимо, кто-то всё-таки обратил внимание на мораторий, объявленный президентом вскоре после этого митинга. Мораторий, позволяющий хотя бы спасти собственность ака-

демии от совсем стремительного разграбления... Что ж, как говорят в таких случаях, пустячок, а приятно.

«Так вы хотите пробавляться такими, пускай и важными, пустяками?» — справедливо спросит нас требовательный читатель.

Никоим образом. Придавая большое значение конкретному гражданскому сопротивлению, чего бы оно ни касалось — судьбы семьи в России, судьбы нашей промышленности, нашего образования, нашей науки и так далее, — мы не желаем сводить свою деятельность к такому совершенно необходимому, но недостаточному гражданскому сопротивлению. Мы будем развивать такое сопротивление. И одновременно с этим заниматься иного рода деятельностью. Такой, как в Александровском, например.

Ведь задача Александровской коммуны

отнюдь не в том, чтобы обустроиться и начать жить по иным, более благим или даже контр-регрессивным правилам. Главная задача Александровской коммуны на сегодня (обращаю внимание читателя — именно на сегодня, то есть на этот год) — *РАЗРАБОТКА И РЕАЛИЗАЦИЯ ВОССТАНОВИТЕЛЬНО-ОБНОВИТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ И ПРОЕКТОВ.*

О задачах на более отдалённое будущее (на 2015 год, к примеру) я здесь говорить не хочу по очень многим причинам.

Что же касается восстановительно-обновительных программ и проектов, то они будут осуществляться. Одним из очень важных стартовых проектов «Сути времени» была фотовыставка «20 лет без СССР». Но если бы мы ограничились только совершенно справедливыми констатациями невероятной

губительности этих 20 лет, мы ничем бы не отличались от Зюганова и других. То есть от тех, кто ограничивается констатацией губительности происходящего и преобразует эту констатацию в уютные депутатские кресла. Мы же хотим совсем другого. И потому сначала предъявляем обществу наглядные доказательства катастрофичности происходящего, а затем вступаем в реальную борьбу с этой катастрофичностью.

В Александровском было градообразующее предприятие, которое в советское время совсем неплохо работало. Жители посёлка, построенного вокруг этого предприятия (именно такие посёлки в России назывались слободами), жили достойной жизнью. Потом предприятие было приватизировано, то бишь прихватизировано. Прихватизаторы, менявшие друг друга, были в прошлом производ-

ственной верхушкой предприятия. Тесно связанные с предприятием человеческими узами, они не выдерживали груза, который падал на их плечи в связи с осуществлением ими этой самой прихватизации. Они спивались, уходили в небытие. Потом на их место пришли люди, гораздо менее тесно связанные с предприятием, и стали это предприятие холодно дербанить, передавая из рук в руки.

За 22 года предприятие почти умерло. И ещё через год умерло бы окончательно. Корпуса не отапливались. Крыши даже не залатывались. Производство отсутствовало. Тут пришла «Суть времени». Корпуса уже отапливаются, с крышами всё в порядке. Жители (и особенно жительницы) посёлка пребывают в глубоком недоумении.

Для того чтобы читатель точнее понял, о каком недоумении идёт речь, расскажу лишь

одну историю.

Сижу с «сутевцами» в одном из околоса-
водских зданий, которое нам предстоит вос-
становливать. Вдруг в это здание завалива-
ются три девицы. Ну прямо как в «Сказке
о царе Салтане». Две девицы почти трезвые,
про третью этого сказать, к сожалению, нель-
зя. Но именно она вторгается в нашу «сутев-
скую» вечерю особенно активно. И начинает
говорить: «Дядь, а дядь, возьми меня секре-
таршей». При этом и интонация, и жестику-
ляция не оставляют сомнения в том, како-
во, с её точки зрения, реальное содержание
этого секретарского занятия. Я вежливо па-
рирую её демарши и начинаю с ней беседо-
вать. Она впадает в глубокое недоумение —
почему, мол, её и не выгоняют, и в секретар-
ши немедленно не берут. Через несколько ми-
нут она начинает кричать: «Ты зачем какие-

то надежды поселяешь, а, дядя? Вот уже в магазинах говорят, что ты и детский садик благоустроишь, и клубную жизнь иначе организуешь, и производство наладишь... А я не верю. Слышишь? Не верю! Ну не бывает так, и всё тут».

Я отвечаю: «Так ведь скоро увидишь. Или я это сделаю, или не сделаю».

От этого моего ответа барышня даже отчасти трезвеет. Её начинает буквально корчить. И она яростно выкрикивает: «Сидишь тут, как Христос с апостолами, изображаешь из себя невесть что! Морочишь головы людям!»

Потом она меняет тон и начинает опять кривляться: «Дядь, а дядь, возьми меня секретаршей».

Это к вопросу о том недоумении, в котором пребывают жители посёлка, лицезря

«сутивцев» (поселенцев и волонтеров), работающих по 12–16 часов в день без выходных и реально преобразующих рухнувшие объекты, которые, как прекрасно понимали жители, рухнув окончательно, превратили бы весь посёлок в помесь воровского шалмана и кладбища.

Но если можно восстановить и обновить один объект, разработав и реализовав соответствующие программы, то почему то же самое нельзя сделать с другим объектом? Или с 20 тысячами объектов? Это ведь как с пресловутой левитацией. Если род хомо сапиенс един и хотя бы один представитель этого рода может левитировать, то есть повиснуть в воздухе, то теоретически (подчёркиваю — чисто теоретически) каждый представитель хомо сапиенс может так же повиснуть в воздухе. Если несколько десятков «сутив-

цев», переехавших на поселение, и несколько сотен «сутевцев», приезжающих помогать им на выходные, могут разработать и реализовать программы восстановления и обновления одного объекта — то почему сотни тысяч таких же граждан (ведь «сутевцы» не инопланетяне, а обычные российские граждане) не могут разработать и осуществить программы и проекты, позволяющие восстановить и, главное, обновить несколько тысяч жизненно важных для России объектов, которые приведены в состояние, наглядно показанное на нашей выставке «20 лет без СССР»?

Если бы эти объекты были просто восстановлены, то это означало бы разработку и осуществление проекта 1.0. А если эти объекты будут восстановлены и обновлены, то это будет означать реализацию проекта 2.0. Да, это ещё никоим образом не СССР. Но

это уже 2.0. Это реальная контррегрессивная деятельность. Причём деятельность, которая способна повлиять на состояние дел в стране. Но ещё в большей степени эта деятельность способна повлиять на состояние разума и эмоций тех, кто этим восстановлением и обновлением занимается.

Вокруг восстановления и обновления складываются очаги новой социально-культурной среды. Будучи самозначимыми, они вдобавок не могут не влиять на общий климат. Начинается трансформация «зоны Ч» изнутри. Начавшись, эта трансформация будет развиваться по той траектории, которая будет заложена в эту трансформацию субъектом, осуществляющим трансформацию. Конечно, жизнь будет вносить свои коррективы. Нам будут мешать это делать, нас будут проклинять и так далее. Что ж,

«...тяжёлый млат, дробя стекло, куёт булат». Если мы стекло, то млат этих проклятий нас раздробит, и мы окажемся на исторической свалке. Так туда нам в этом случае и дорога. А вот в другом случае возникают очень скромные, но не нулевые шансы на историческое деяние.

Да, восстановить и обновить даже один локальный объект очень трудно. А уж о тысячах объектов и говорить не приходится. Но неужели мы совсем не верим в пробуждение макросоциальной созидательной энергетики? А почему, собственно, мы не верим? Кто мы такие, если не верим?

Кроме того, мы, засучив рукава в 2011 году, сразу сказали, что занимаемся почти невозможным делом. И осуществляем своего рода мистерию. Мало ли какое воздействие может оказать трудовая мистерия, если она

сотворяется и врянь именно как мистерия...

В конечном итоге любое чудо — это отклик среды на предельную концентрацию воли. На ту самую когерентность, которая и творит историю и возвращает человеку его отнимаемую капитализмом сущность. Или когерентность, возвращение истории, а следом за нею и человеческой сути — или конец истории, а вслед за ним и конец гуманизма, неминуемо ведущий к концу человечества как такового. Дегуманизировано человечество быть не может. Или, точнее, будучи дегуманизированным, оно перестаёт быть человечеством. И тут, наверное, пора поговорить о гуманизме как таковом.

Как говорится в известной украинской присказке: «Що це таке і з чим його їдять?» Многие считают гуманизм явлением достаточно новым. Ну уж никак не более древним,

чем классическая греческая античность. Другие даже ставят знак равенства между гуманизмом и Ренессансом, а то и гуманизмом и Просвещением. На самом деле гуманизму ровно столько лет, сколько и человечеству. В какие бы исторические глубины ни погружались вы в поисках ответа на вопрос о зарождении гуманизма — обнаруживается, что он уже вполне оформлен сообразно духу своей эпохи. И в любую религиозную эпоху (хоть в шаманскую, хоть политеистическую, хоть монотеистическую) высшие силы разделяются на партию друзей человека и партию врагов человека.

И у той, и у другой партии есть свои аргументы, обосновывающие её идеологическую платформу. Оформляя высшие трансцендентальные кланы (в древнем Вавилоне, например, клан Энки и клан Энлиля), эти идеоло-

гии проникают внутрь человеческого сообщества. И раскалывают это сообщество на гуманистов и антигуманистов. Секуляризация вывела за скобку инобытийность (трансцендентальность, потусторонний характер) этих самых про- и антигуманистических сил. Да, такое выведение за скобки — это отнюдь не мелочь. Но принципы построения про- и антигуманистических идеологем, приёмы, применяемые в политической борьбе про- и антигуманистическими силами, остались почти что теми же, какими они были в самые далёкие от нас религиозные времена.

Война про- и антигуманистических сил всегда велась вокруг вопроса о сущности человека. Да, она могла вестись на далёких подступах к этому вопросу. Или на тех направлениях, где сокрытие сути спора (то есть того, что спор идёт именно о сущности человека)

осуществлялось наиболее умело.

Но если ты начинаешь раскрывать суть и следить за тем, как дальние подступы связаны со святой святых, то рано или поздно обнаруживаешь, что нет ничего, кроме вопроса о сущности человеческой. О её наличии вообще и о её содержании.

Неокончательная обусловленность человека теми средами, в которых он обитает, неподчинённость человека до конца той необходимости, которая диктуется ему самим фактом его обитания в этих средах, — вот что представляет собой сущность человеческая. Обеспечить человеку полное соединение с этой сущностью — значит сделать его человеком в полном смысле этого слова. Кто-то назовёт такого человека новым человеком, а кто-то скажет, что соединение человека с его сущностью наконец-то превратит его в чело-

века в подлинном смысле этого слова.

Ведь говорил же А. А. Богданов: *«Человек ещё не пришёл, но он близко, и его силуэт уже ясно вырисовывается на горизонте»*.

Если сущность человека а) состоит в этом, б) может быть выявлена и в) может быть с человеком соединена до конца — то гуманизм обладает колоссальным потенциалом.

Но если сущность человека а) ничтожна, б) со временем всё в меньшей степени подлежит оформлению, в) навеки заперта в сундук за семью печатями — то гуманизм — это жалкое, ничтожное шутовство.

К моменту, когда выяснилось, что капитализм не может соединить человека с его сущностью (знаменитая проблема отчуждения, блистательно раскрытая Марксом в ряде его работ), начались поиски другого уклада жиз-

ни. Мол, есть же сущность. И о-го-го, какая. Полнота жизни, человеческое счастье, оправдание скорбного человеческого удела (человек единственное существо, которое знает, что оно смертно, и живёт) — всё это связано с возможностью соединить человека с этой, о-го-го какой сущностью.

«А раз так — давайте соединять», — заявили гуманисты двух последних веков.

«Если такое соединение называется коммунизмом, — сказали они, — то да здравствует коммунизм!»

Так сказали одни, так скажем, наименее осторожные гуманисты. Более осторожные сказали чуть-чуть иначе: «Мы в принципе не против капитализма как такового. Нам главное, чтобы соединение человека с его сущностью произошло. Если оно может произойти при капитализме — пожалуйста. Но ведь

оно не происходит. И тогда мы обращаем свой взор к коммунизму».

Весь XIX век осторожные гуманисты разводили туры на колёсах, оговаривая условия, при которых они принимают капитализм. А неосторожные эпатировали буржуазное общество своими радикальными антикапиталистическими речами.

Что же касается самого капитализма, то он, как кот Васька из басни Крылова, «слушал да ел». И докушался до мировой войны. К этому моменту он превратился из мирного Васьки, пожирающего домашние запасы, в тигра с окровавленными клыками, пожирающего человечество вообще и тех, кто читает тигру нотации, в частности.

Стало ясно, что капитализм фундаментально антигуманистичен. Параллельно с обнаружением этой фактической антигумани-

стичности шли иные, так сказать, не экспериментальные, а сугубо теоретические выявления этой же сути капитализма. Маркс тут внёс решающую лепту. Но ведь не он один.

Итак, к 1917 году стало ясно, что капитализм никогда не соединит человека с его сущностью, что он не может и не хочет этого сделать. «Никогда»... Попробуйте сами понять и пережить эту ситуацию «никогда». В поэме Эдгара По «Ворон» нечто сходное этому пониманию и переживанию именуется «Nevermore». Тогда будет намного легче понять, в какой коллапс ввергло это «никогда» человечество к 1917 году.

Пребывая в этом состоянии, лицезря поля благополучной и рациональной капиталистической Европы, заваленные во славу чего-то миллионами человеческих трупов, человечество вдруг узрело свет с Востока. То бишь Ве-

ликую Октябрьскую социалистическую революцию.

Началась новая эра. Точнее, эра обновления гуманизма, придания ему нового потенциала надежд и чаяний. «Вот-вот советские коммунисты выявят и дооформи́ят эту самую человеческую сущность, — говорили западные как осторожные, так и неосторожные гуманисты. — Вот-вот они, преодолев отчуждение, соединят её с человеком. И вот тогда начнётся новая эра, эра подлинной человечности, эра человеческой эмансипации, по Марксу».

Как должен был поступить враг гуманизма, наблюдавший за подобными мало для него симпатичными судорогами? Если этот враг понимал суть происходящего, то он неизбежно должен был поставить перед собой несколько задач.

Задача №1 — воспрепятствование а)

оформлению коммунистами этой самой человеческой сущности и б) соединению в лоне коммунизма этой сущности с человеком.

Задача №2 — дискредитация всего, что связано с наличием этой сущности.

Задача №3 — придание этой сущности иного содержания.

Задача №4 — недопущение соединения человека со своей сущностью.

В рамках решения задачи №1 необходимо было добиться победы тактики над стратегией. Ведь в каком-то смысле и коллективизация, и индустриализация, и даже культурная революция были сугубо тактическими задачами. Да, наиважнейшими, но тактическими. Угроза нападения на СССР довлела над всем, что определяло приоритеты советского коммунистического строительства в 30-е годы. На Первой Всесоюзной конференции работ-

ников социалистической промышленности 4 февраля 1931 года Сталин заявил: *«Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».*

Это был и блестящий стратегический прогноз (1931 плюс 10 равно 1941). И одновременно определение системы приоритетов. Не построение нового человека, не утверждение нового гуманизма, не соединение человека с его ранее отчуждённой человеческой сущностью, а преодоление отставания от передовых стран во имя спасения своей страны и человечества — вот что было поставлено во главу угла.

Тем самым задача №1, с описания которой я начал изложение стратегии антигуманизма в его борьбе с коммунистическим гу-

манизмом, да и гуманизмом вообще, оказывалась выполнена автоматически. СССР навязали определённую гонку. А в рамках этой гонки в каком-то смысле было уже не до нового гуманизма и не до человеческой сущности. Гуманистические ресурсы марксизма оказывались заморожены. И, напротив, были заморожены другие ресурсы. А они были. И их просто не могло не быть, понимаете? Потому что если человеческая сущность выявляется только за счёт деятельности сверхплотных структур, подстегивающих своими шпорами клячу истории, то высшая свобода, вытекающая из соединения человека с его сущностью, неминуемо дополняется несвободой, вытекающей из необходимости войти в эти самые сверхплотные структуры.

А ведь такие структуры не создашь без демонтажа уже достаточно прочных индиви-

дуалистических (шире — личностных) оболочек, сформированных Новым временем, преодолевшим коллективизм традиционного общества. Пока этот коллективизм не был преодолен, задача коллективистского уплотнения, необходимого для создания исторического субъекта, решалась одним образом. А после того, как этот коллективизм был преодолен, всё та же задача уплотнения, необходимого для создания того же субъекта, должна была решаться другим способом. И эту задачу от задачи пробегания длинного исторического пути за рекордно короткие сроки было нелегко отличить. Обе эти задачи требовали коллективности, жертвенности и так далее.

Но если задача построения субъекта, осуществляющего исторический проект, требовала тонких форм уплотнения и не была связана с вовлечением в это уплотнение всего на-

селения страны, то задача построения субъекта индустриализации требовала более грубых форм уплотнения. И продления этого уплотнения за рамки субъекта. Вся страна должна была начать уплотняться на идеологической основе. Причём равномерно и однородно. Но это не могло быть осуществлено без насилия со стороны уплотняющих и лицемерия со стороны уплотняемых.

Можно восхищаться тем, сколь малы были исторические издержки уплотнения, сколь искренне, по сути, уплотнилось советское большинство, пробежав огромную историческую дистанцию за кратчайший срок и выиграв войну. Но не обратить при этом внимания и на издержки, вытекающие из всеобщего уплотнения, и на издержки, вытекающие из исторически оправданного принесения стратегии в жертву тактике, — значит от-

казаться от понимания природы краха великого советского проекта.

Под конец жизни Сталин пытался, будучи больным и сверхзагруженным человеком, вернуться к стратегии. Но эти попытки ничего не изменили по существу дела. Принято глумиться над работой Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Между тем, работа эта достаточно глубокая. Но и состояние здоровья, и занятость, и запрограммированность сознания на прагматику разного рода не позволили Сталину сделать эту работу поворотным пунктом в теории реального коммунизма.

А затем Хрущёв добил советский коммунизм раз и навсегда, заявив о том, что целью является не решение главных гуманистических задач человечества, а достижение определённого уровня потребления.

Тут-то всё и рухнуло окончательно. Враг гуманизма сумел-таки и воспрепятствовать оформлению советскими коммунистами этой самой человеческой сущности и соединению сущности с человеком. Крайне важно понять, что это каждый раз делалось под флагом гуманизации коммунизма и социализма. Чего стоит, к примеру, гуманный и демократический социализм Горбачёва? Предельная антигуманистичность этого перестроечного карнавального псевдогуманизма говорит о многом.

Что же касается поносимого перестройщиками реального советизма, ориентированного на очень специфически понимаемое коммунистическое строительство, то он (в его сталинском и даже брежневском исполнении) был гуманистичен по своей сути. Но он не стал прорывом в новый гуманизм, в это самое

оформление сущности и соединение её с человеком и человеческим. А не став этим прорывом, он обрёл советский проект на поражение.

Человек в Советском Союзе так и не сумел перешагнуть порог и перейти в новое подлинно человеческое качество. Человеческая эмансипация не была осуществлена в полной мере. Хотя элементы её, безусловно, наличествовали. Параллельно с решением этой задачи победы над гуманизмом (в моей нумерации — задачи №1) враг гуманизма успешно решал и другие задачи.

Задача №2. Враг гуманизма дискредитировал всё, что связано с самим существованием этой самой человеческой сущности. Послевоенный гуманизм решительно отказался от всего, что связано было с героизмом и преклонением перед человеческой сущностью. На политическую сцену в виде главного героя

был выведен так называемый маленький человек. Человеческим уделом была объявлена просто жизнь, до предела погружённая в мелкие и мельчайшие задачи. Лишённая жертвенности, коллективизма, масштабности.

Считается, что это всё сделали по собственной воле когорты западных, да и не только западных, художников, поэтов, драматургов, режиссёров, философов. Что поразительная синхронность их действий по разоружению гуманизма была порождена страхом перед фашизмом. Что ради недопущения новой фашистской судороги они решили подорвать саму почву фашизации, каковой сочли саму возможность сплочения на какой-либо основе во имя какого-то исторического проекта.

Но ведь эти художники, поэты и так далее (а в особенности философы) не были полны-

ми идиотами. Они понимали, что такой подрыв предпосылок чреват полной дегуманизацией общества. И что же? Ах они пошли на эту дегуманизацию, чтобы не допустить фашизма? Но исторический фашизм (нацизм и так далее) — это только одно из средств дегуманизации. Осуществление дегуманизации — мечта фашизма. И ему плевать, какими средствами это будет осуществлено. Важно, чтобы дегуманизация носила необратимый характер.

Задача №3, стоявшая перед дегуманизаторами, сводилась (как читатель, надеюсь, помнит) к извращению всего того, что связано с определением человеческой сущности. Вот мы говорим, что эта сущность определяется недообусловленностью человека. А значит, его возможностью совершить прыжок из царства всяческих потребностей (то есть обу-

словленности природной, социальной и внутренней психологической средой, в которой обитает существо под названием человек) — в царство свободы. А кто сказал, что это так? А может быть, сущность человека совсем в другом? — вопрошали те, кто должен был решить задачу №3. А может быть, курлыкали они на разные голоса, сущность-то в другом? Ну, например, в агрессии. Или в экспансии. А может быть, род человеческий не един... И разные его части обладают разными сущностями... А может быть, сущность человеческая так страшна, что существо под названием человек ни в коем случае нельзя с ней объединять... А может, само наше представление о человеческой сущности (да и сущности вообще) — от лукавого? Ишь ты, видимость... Сущность... А может, кроме видимости, ничего нет, а всякая апелляция к сущ-

ности — тоталитарный бред. И человека надо освобождать не только от способности к созданию исторических субъектов, основанной на героическом и аскетическом уплотнении коллективов, но и от способности искать за видимостью сущность.

А если эта способность искать за видимостью сущность связана с языком, то бишь логосом... О эта человеческая приверженность к различению буквальности и значения, вещи и смысла, коннотата и денотата!.. Ведь всё это порождает в человеке порочное стремление к оформлению своей сущности (видимости ему, негодяю, мало!), а значит, и к соединению с оной...

Короче, если это порождается логосом (или, точнее, логоцентризмом), то это тоже надо искоренять. И почему бы освобождённым от логоса существам не освободиться по

возможности от речи, расставшись с логоцентризмом? Не повыть, как волкам? Не поцокать, как птицам? Читателю, не искущённому в современных продвинутых антропологических инновациях, может показаться, что я описываю размышления обитателей сумасшедшего дома. Но это совсем не так. И если мы не поймём, как далеко зашли враги гуманизма, то очень скоро они нас начнут загонять в сумасшедшие дома за логоцентризм. То есть за излишнюю приверженность к осмысленной человеческой речи.

Евгеника, генетика, новая и сверхновая антропология... Что только не было введено в оборот для того, чтобы извратить наше представление о том, что есть сущность человеческая. И отвратить нас от оформления этой сущности и соединения с нею. По замыслу врагов гуманизма, мы не должны пе-

решагнуть порог, отделяющий оформляющегося человека от человека оформленного, то есть целостного и подлинного.

Господа Стругацкие прозрачно намекали на это с подачи своих кураторов. И предлагали своим читателям такие стишки:

Стояли звери

Около двери.

В них стреляли,

Они умирали.

Намёк был вполне прозрачен. Люди, как звери, должно стоять около двери подлинной человечности и бояться перешагнуть через порог. Ну, а если попытаются перешагнуть, в них будут стрелять. И они не перешагнут порог, а завалят его своими трупами. Это был прогноз будущего человечества. Будущего даже не наших внуков — наших детей. А вполне возможно, и нас самих. Про-

цесс дегуманизации набирает обороты стремительно. И лично я не буду слишком удивлён, если радикальная дегуманизация будет прямо поставлена во главу угла ещё до 2020 года.

Давайте сосредоточимся на рассмотрении вопроса о том, что значит «запрещение запрещать». Ведь именно это запрещение лежит в основе ювенальной юстиции, не так ли? Так вот, что оно значит по существу? К примеру, вы запретили родителям запрещать детям то-то и то-то. И сообщили родителям, что они будут за это наказаны. А если родители тайком начнут запрещать? Надо, чтобы на них донесли. Надо организовать за ними слежку. И так далее. В этом смысле запрещение запрещать ничуть не менее репрессивно, чем любое другое запрещение. Одновременно с этим — поскольку многие запрещения но-

сят характер табу, создающих человека, запретить эти запрещения можно, только благословив разрушение человека.

Таким образом, запрещение запрещать — это беспрецедентное вмешательство в человеческую жизнь. Силы, которые проводят это вмешательство, осуществляют далеко идущий зондаж:

«Как человечество отреагирует на наше вмешательство? Наращиваем вмешательство — и видим, что оно, того, почти что не реагирует. А что, если нарастить вмешательство ещё больше? И ещё? И ещё?»

В мир вторгается необъяснимая с практической точки зрения, несопоставимая по своей тёмной мутности, чуждая всему порядку вещей *стратегическая новизна*. И нужно быть слепым, для того чтобы не понять, что она не сама по себе, знаете ли, криво-

косо вторгается. Что её вторгают, вдавливают, втискивают в мир. Что её, как хищного Зверя, науськивают на человечество. И что содержанием этой стратегической новизны, конечно, является дегуманизация. Которая по определению не может правильным образом разместиться в мире, не пожрав его гуманистическое содержание.

И не только коммунистическое. Хотя, конечно же, коммунизм опаснее всего для Зверя и его хозяев. В коммунизме есть ответ на вопрос о том, что такое сущность человеческая, как её оформлять, как соединять с человеком. Но присмотримся к процессам, происходящим в христианском мире или в исламе. А также в иудаизме и так далее. Там ведь везде есть достаточно мощное и трудно изымаемое из проекта гуманистическое содержание.

Дегуманизация христианства, ислама,

иудаизма... Да хоть бы буддизма, даосизма, зороастризма, индуизма et cetera. Это очень трудная операция. В каждом отдельном случае нужно правильным образом выдрессировать Зверя. Нужно чётко определить, каковы узлы внутрисистемной религиозной гуманистичности. А также узлы внутрисистемной религиозной антигуманистичности. Каждый Зверь должен быть внутрисистемным. Иначе ни с какой системой не разберёшься по-настоящему. Что значит внутрисистемным? Это значит, что с православным гуманизмом должен разбираться не абы какой, а православный антигуманизм. То же самое с католицизмом, протестантизмом, иудаизмом и так далее.

Нужен целый зоопарк, состоящий из хищного зверья. А ещё нужно, чтобы всё зверье было безупречно выдрессированным и нахо-

дилось под стопроцентным контролем дрессировщиков. Которые, в свою очередь, должны находиться под стопроцентным контролем хозяина зоопарка. Даже кратковременная и частичная потеря контроля чревата недопустимыми последствиями. Потому что каждый отдельный Зверь может начать пожирать не то, что должен. Может перепутать те смысловые узлы, которые ему велено пожирать, с теми смысловыми узлами, которые он пожирать ни в коем случае не должен.

А ведь ещё надо пожрать светский гуманизм. Остаточный, некоммунистический, консервативно-капиталистический или даже либерально-капиталистический. Постмодернистское хищное зверьё, выдрессированное для осуществления подобного пожирания, особо склонно к непослушанию. И потому с ним нужно держать ухо востро.

Хищные звери не должны накидываться друг на друга. Или, точнее, должны накидываться друг на друга только по команде хозяина. У этих зверей не должно возникнуть подозрения касательно их будущей востребованности. Между тем, сразу же после того, как они пожрут то, что им велено, они должны пожрать друг друга и дрессировщиков.

Что дальше? Возникнет социум, состоящий из сегментов, ориентированных на разные дегуманизированные смыслы. Сегменты начнут пожирать друг друга — уже даже не как звери, а как колонии свирепых бактерий. Представители разных колоний будут пожирать чужое, специфическое негуманистическое содержание. В результате в каждом сегменте останется только то негуманистическое содержание, которое будет лишено специфичности.

Сегменты, потеряв специфическое, сольются воедино. Сначала сольются воедино дегуманизированные религиозные сегменты, потерявшие специфичность. Затем произойдёт ещё один этап пожирания. Религиозная дегуманизированная субкультура, потерявшая специфичность, начнёт пожирать дегуманизированную светскую субкультуру, тоже потерявшую специфичность. Что такое религиозная дегуманизированная субкультура, потерявшая специфичность? Подробно отвечать на этот вопрос в этой статье я не имею возможности. Скажу лишь, что в чём-то это будет похоже на нынешний радикальный экуменизм. Но речь пойдёт не о буквальном сходстве. В плане буквального сходства религиозная дегуманизированная субкультура, потерявшая специфичность, представляет собой этакый экуменизм наизнанку. Но, не имея

буквального сходства с нынешним экуменизмом, религиозная дегуманизированная субкультура, потерявшая специфичность, будет очень похожа на экуменизм с точки зрения системной архитектуры.

Что же касается светской дегуманизированной субкультуры, потерявшей специфичность, то ей предстоит быть пожранной полностью. Но перед тем как такое пожирание осуществится, она должна уничтожить определённые слагаемые религиозной дегуманизированной субкультуры. Причём именно те слагаемые, в которых может быть сохранена хотя бы какая-то память о чём-то гуманистическом. Мало ли какие виды памяти, остаточной в том числе, могут проснуться, когда ты обнаруживаешь, что тебя пожирают. Пожрав то, что ей предписано, светская дегуманизированная субкультура, поте-

рявшая специфичность, должна подарить себя в виде пищи той религиозной дегуманизированной субкультуре, потерявшей специфичность, которая возникла после битвы со своим светским двойником. Пища окажется крайне ядовитой, и религиозная дегуманизированная субкультура, потерявшая специфичность, претерпит, напившись этим ядом, ещё одну трансформацию.

После чего наступит окончательное оформление постгуманистического псевдо-человеческого и квазичеловеческого бытия. Возникнет особая среда. В ней потеряется чёткое различие между природным (биологическим), социальным и психологическим. Обитателями этой среды будут существа, полностью зависимые от среды, не способные эту среду изменять. И в этом смысле категорически отлучённые от человеческой

сущности.

Для того чтобы это описание — не до конца точное, как и всякое до предела сжатое описание — не сводилось к произвольной антиутопии, я попытаюсь ответить на вопрос, на что это похоже.

Анна Кудинова в своих статьях подробно разбирает личность и творчество Бахтина и его теорию карнавализации. Но ведь не Бахтин придумал карнавал. Бахтин его лишь специфическим образом описал. Карнавал же существовал с незапамятных времён. И лишь в христианскую эпоху он именовался карнавалом, не правда ли? В предыдущую эпоху — в том же Риме, славящемся своими христианскими карнавалами, праздновались гораздо более свирепые дохристианские карнавалы. Они именовались сатурналиями. Спускаясь вниз по лестнице времён, мы обнаружива-

ем разного рода хитросплетения, в рамках которых поклонение богу Сатурну сочетается с поклонением другим богам, имеющим другие названия, но ту же суть. Подобные переплетения и есть аналог упомянутого мною выше экуменизма наизнанку.

Человечность, то бишь гуманизм, оформляла себя самыми разными способами. Жесточайшими в том числе. Дочеловеческое и античеловеческое должно было подчиниться этому оформлению. Но оно подчинялось ему, скрипя зубами. И накапливало страшную энергию протеста, направленную против всех запретов, которые оформляли человечество. А этих запретов было очень много. Запрет на инцест, на каннибализм... Запрет на нарушение тех или иных моральных норм. Запрет на осквернение тех или иных сакрализаций... Словом, запретов этих было, что на-

зывается, до и больше. А поскольку действие всегда рождает противодействие, поскольку любой запрет рождает желание вкусить за-прещённое, то у мира оформляемой человечности всегда была Тень.

Это не вполне тень Юнга. Это иная, более зловещая Тень. Поклоняться этой Тени можно было или в совсем секретных святилищах, рискуя всем на свете, что было уделом очень узких групп. Или — в отведённое время, когда Тень получала временный статус от тех, кто за рамками этого времени держал зло-вредную и опасную Тень взаперти.

В христианскую эпоху Тень получала временный статус от христианской церкви. В иные храмовые эпохи — от иных храмов, отвечавших за оформление человечности. Передавая Тени временный статус, эти храмы говорили ей: «Неуничтожимая негодяйка! Знай

своё место! Ты получаешь статус от нас. Мы отводим тебе место и время. И мы загоним тебя в темницу, как только истечёт отведённое тебе время. Поэтому ты — ручная Тень, ты Тень-раба, ты полностью подвластная нам марионетка, понятно?»

Тень ухмылялась и соглашалась. Шествовала она в виде беременной Смерти. Предпочитая этот образ, во-первых, потому что он был ближе всего к её сути. И, во-вторых, потому что он был достаточно плотной оболочкой для сокрытия сути.

Итак, мир человечности, состоящий из запретов (конечно же, не только из них, но всё же из них в весьма существенной степени), был миром разрешённым. А мир, состоящий из временного нарушения запретов, был миром запрещённым.

Трансформация, которую я описывал вы-

ше в виде серии дегуманизаций, должна сделать запрещённое разрешённым и обязательным, а разрешённое — запрещённым и недопустимым. Карнавал должен стать постоянным существованием псевдочеловечества, живущего в специфической биосоциопсихологической среде. Запрещено должно быть любое запрещение. Ибо оно посягает на карнавал. Отрицательная свобода — то есть свобода от человечности вообще и от человеческой сущности прежде всего — должна стать супердиктатурой. Настолько свирепой, что все предшествующие диктатуры окажутся невероятно мягкими.

Запрет на табу — вот табу новой, перевёрнутой эпохи, эпохи всевластия карнавала нон-стоп.

Единственной заповедью Телемского аббатства, столь восхищавшего Рабле и его

адепта Бахтина, было, как мы помним, «делай, что хочешь». И все умилялись: надо же, что хочешь, то и делаешь. Но никто не спрашивал, чего может захотеть двуногое существо, если ему ничего не запрещать. В ублюдочных либеральных системах есть всякого рода оговорки. Мол, твоя свобода ограничена свободой другого. И потому есть такие-то и такие-то запреты. Но если запретов нет, и их изначально нет, то что, повторяю, может захотеть сделать двуногое существо?

Вы умиляетесь, глядя на это существо, и говорите: «Миленькое, делай, что хочешь!». А оно начинает вас пожирать. И говорит: «Я делаю, что хочу, ибо у меня такие-то и такие-то импульсы». А возможно, оно даже и не говорит, а рычит, чавкает, хрюкает. Вы орёте: «Так нельзя!», — и тут к вам выходит суперполиция. И говорит: «Кто произ-

нёс это чудовищное слово «нельзя»?» Чавкающее, хрюкающее и рычащее существо показывает пальцем на вас. Суперполиция заковывает вас в наручники и везёт в гигантский телецентр, транслирующий на весь мир, в каждый телевизор, а точнее, в каждый мозг, некое суперзрелище. Вас приковывают к столбу. Суперполицейский докладывает суперсудье: «Он сказал «нельзя»!» Судья опрашивает свидетелей и признаёт: «Увы, это так». После чего вас начинают чудовищным образом пытаться, не давая вам умереть. Все обитатели карнавальной биосоциопсихологической среды, отчуждённые от своей человеческой сущности, с наслаждением и ужасом следят за этими пытками. И понимают, что есть одно-единственное табу — нельзя соприкоснуться ни с чем из того, что как-то соотносится с тем миром, в котором некие «нель-

зя» имели хоть какое-то положительное значение.

Педагог не имеет права говорить «нельзя» ученику. Родитель — ребёнку. Деятель культуры не имеет права ставить спектакли, писать книги, снимать кино и так далее, в которых хоть отдалённо может попахивать какими-то «нельзя». Какой-то там моралью. Каким-то отвращением к тому или иному злодейству. Единственное, что должно вызывать самое лютое отвращение, — это произнесённое, помысленное и уж тем более осуществлённое «нельзя», относящееся к чему угодно, кроме самого «нельзя».

Властительница этого мира — Тень, притворяющаяся беременной Смертью. Она и впрямь имеет к этой беременной Смерти определённое, конечно же, косвенное, отношение.

Запрет на «нельзя» дополняется другими запретами, вытекающими из этого суперзапрета самым непосредственным образом. Запрещено любить. Ибо способность любить порождает запрет на ненависть. Запрещено страдать. Ибо способность сострадать порождает запрет на жестокость. И так далее.

Что-то очень недооформленное, недосказанное, но тем не менее наиболее близкое к сути дела сообщил по поводу такого царства Тени некий персонаж, общавшийся с композитором Адрианом Леверкюном, героем романа Томаса Манна «Доктор Фаустус». Именуя себя чёртом (и ухмыляясь при этом — читайте про смеховую культуру у Бахтина), этот персонаж именовал царство Тени адом (опять-таки, давясь от карнавального смеха). Необходимо ознакомить читателя с тем, что этот персонаж сообщил всем нам, говоря о

том, что надо предуготовиться к карнавальному пришествию Тени.

Но об этом в следующей статье. Эту же закончу двумя обращениями. Одним — к тем, кого я назвал респектабельными читателями.

Друзья, скажу я им, вы недооцениваете той стратегической новизны, которая вторглась к вам под маской ювенальной юстиции.

А теперь я обращусь к нереспектабельным читателям. И скажу им: товарищи! Если мы не построим СССР 2.0, то бишь рай на земле, то наши враги соорудят царство Тени. То бишь ад на земле.

А потому — если мы не хотим и впрямь оказаться в настоящем аду — скажем себе ещё раз: До встречи в СССР!

Сергей Кургинян

Культурная война

Пролеткульт и рабочий университет

Что-то в деятельности Пролеткульта тревожило партию, всё более приобретающую, по мнению Пролеткульта, бюрократический, а значит и отчасти антипролетарский характер

Пролеткульт — массовая культурно-просветительская организация. Она воз-

Пролеткульт и рабочий университет 304
никла в сентябре–октябре 1917 года для поддержания «самодеятельности» пролетариата и ставила своей целью создание новой пролетарской культуры и распространения её в массах. А. Луначарский в статье «Ещё раз о Пролеткульте и советской культурной работе» в 1919 году писал, что образование Пролеткульта произошло ещё в буржуазном обществе, при Временном правительстве, и что тогда *«пролетариату приходилось на началах негосударственной и отчасти антигосударственной самодеятельности искать своих культурных путей»*. Но и потом Пролеткульт долго отстаивал свою автономность.

Вкратце о структуре Пролеткульта. Высшим органом Пролеткульта считался Всероссийский съезд, на котором избирался Центральный комитет (ЦКП), собиравший-

ся на пленумы. Из состава ЦКП избирался Всероссийский Совет Пролеткульта (ВСП). При Пролеткульте существовали отделы: литературно-издательский, театральный, школьный, библиотечный, клубный, музыкальный, научный, организационный, хозяйственный.

Центральному Пролеткульту подчинялись губернские, городские и районные Пролеткульты и, наконец, низшие практические ячейки — «культурно-просветительские комиссии фабрично-заводских предприятий».

Организационно строение Пролеткульта напоминало партийную организацию.

Если же учесть широту распространения Пролеткультов, а к началу 1920-х годов в стране существовало около 300 Пролеткультов, вокруг которых объединялось около 400 тысяч (!) человек, то можно понять, сколь

мощную силу представляли собой эти культурные пролетарские организации.

Для сравнения: в 1918 году численность РКП(б) составляла 300 тыс. человек. К 1919 году, в связи с гражданской войной, ряды партии уменьшились почти в 2 раза. После смерти Ленина был проведён набор рабочих в партию («ленинский призыв»), и численность к маю 1924 года увеличилась до 730 тысяч человек. И только в ходе последующих призывов к 1930 году численность членов партии возросла до 1 млн 670 тысяч человек.

В состав Пролеткульта входили не только рабочие, но и служащие, и представители интеллигенции, реже сельские жители. По данным на 1922 год, 67,5% студийцев, работавших в московском Пролеткульте, были рабочими, 26,5% — детьми рабочих, 6% — нера-

бочим элементом. При этом только 10% студийцев состояло в партии.

Можно проследить, как формировались пролеткультовские отделы, начиная от первичных ячеек и до Центрального Пролеткульта на примере театральных и литературных групп.

Из театральных кружков, которые существовали при рабочих клубах, отбирались способные участники и направлялись в районные театральные студии. Там спецкомиссия формировала группы, в которых занимались по общеобразовательным дисциплинам и продолжали обучение театральному делу: актёрскому мастерству, сценречи, сцендвижению. Им читались лекции по истории театра, искусствоведению, искусству грима и др. Далее наиболее одарённые продолжали учёбу в центральных Пролеткультах. Здесь уже

шла работа на уровне театральных институтов, студенты обучались режиссуре, оформлению и музыкальному сопровождению спектакля, истории костюма.

А далее в новых самодеятельных театрах (в них играли рабочие-любители) ставились рабочие пьесы. Был специальный перечень пьес, разрешённых к постановке в театрах. Это пьесы пролеткультовских авторов: В. Плетнёв «Мститель», В. Игнатов «Красный угол», П. Бессалько «Коммуна». И пьесы классического репертуара: Н. Гоголь «Женитьба», А. Островский «Бедность — не порок», А. Чехов «Юбилей» и др.

Такая же педагогически-организационная деятельность шла и в литературных кружках: в ячейках отбирались наиболее талантливые и отправлялись в районные студии, где продолжали обучение, а лучшие из них на-

Пролеткульт и рабочий университет 309
правлялись в губернские и центральные Пролеткульты.

Пролеткульт рекомендовал писателям в своём творчестве соблюдать «простоту, ясность, чистоту формы», а рабочим поэтам «учиться широко и глубоко, а не набивать руку в хитрых рифмах...». Новый писатель, как считал А. Богданов, может и не принадлежать к рабочему классу по происхождению, но должен выражать основные принципы нового искусства — товарищество и коллективизм.

Литературные студии имели два уровня: общеобразовательный и специальный — собственно профессиональный, на котором требовалось ещё заняться написанием и выпуском своих газет.

Программа студийной учёбы была весьма разнообразной — от методов научного мыш-

Пролеткульт и рабочий университет 310
ления до истории русской критики и устройства библиотек.

Вот примерный учебный план литературной студии, который публикует журнал «Грядущее» Петроградского Пролеткульта:

1. Основы естествознания — 16 ч.;
2. Методы научного мышления — 4 ч.;
3. Основы политической грамоты — 20 ч.;
4. История материального быта — 20 ч.;
5. История формирования искусства — 30 ч.;
6. Русский язык — 20 ч.;
7. История русской и зарубежной литературы — 150 ч.;

8. Теория литературы — 36 ч.;
9. Психология художественного творчества — 4 ч.;
10. История и теория русской критики — 36 ч.;
11. Разбор произведений пролетарских писателей — 11 ч.;
12. Основы газетного, журнального, книгоиздательского дела — 20 ч.;
13. Устройство библиотек — 8 ч.

Итого — 385 часов.

Журнал. «Грядущее» Изд. Пролеткульт, тип. «Герольд», РСФСР, г. Петроград 1918 г.

В резолюции Первой Всероссийской конференции Пролеткультов об организации пролетарских университетов было заявлено, что «пролетариату должна быть предо-

ставлена возможность полнейшего овладения научным опытом на основе его проверки с нашей классовой точки зрения».

В 1918 году был открыт первый Пролетарский Университет, где преподавание велось по принципам, изложенным Богдановым, в частности в его работе «Социализм науки»: «Задачу — овладеть наукою, т.е. преобразовать её для себя и распространить в своих массах, — пролетариат должен выполнить посредством своей классовой научно-пропагандистской организации — Рабочего Университета. ... Постановка работы в учреждениях Рабочего Университета необходимо должна соответствовать общему типу и духу пролетарской организации; а это значит — она должна быть основана на товарищеском сотрудничестве учащихся и учащихся».

Образовательная программа университета включала три уровня: подготовительный, основной и специализированный.

Подготовительный уровень должен был дать начальное образование и закрепить полученные ранее знания, основной — научить методологии и закрепить социалистическое мировоззрение, специализированный позволял освоить профессию в технической, экономической или культурной области.

Учебный план первого курса включал общеобразовательные дисциплины. Гуманитарные — «Организация устного изложения и обсуждения», «Методы письменного изложения», «Способы использования литературных источников». И естественнонаучные — «Математика», «Физика», «Введение в химию», «Астрономия», «Введение в биологию», «Физиология» и др.

Предполагалось также знакомство с обществоведческими дисциплинами, такими как «История рабочего движения и форма рабочей организации», «Введение в изучение научного социализма», «Формы общественности». Слушатели первого курса могли изучать иностранные языки (немецкий, английский, французский), историю литературы и искусства, черчение.

Предметы второго уровня предполагали углублённое освоение методологии естественных наук, политэкономии, истории государственного права, социальных движений и исторического материализма.

Предполагалось и преподавание курса лекций по теме «Социалистический идеал» — устранение элементов принуждения из отношений между людьми, замена анархии и конкурентной борьбы товарищеским коллекти-

визмом, «переход к неограниченной свободе труда» и подчинение стихийных сил природы.

В дискуссии о преемственности культур пролетариату рекомендовалось критически осмыслить то, что в предыдущей культуре носило «печать общечеловеческого» (так было заявлено в пролеткультовских тезисах в 1919 г.). Но на первый план Пролеткульт выдвигал создание пролетарской культуры без помощи других классов.

Деятели Пролеткульта настороженно относились к культуре прошлого, боясь её «разлагающего воздействия», они считали, что старая культура может подавить классовое сознание пролетариата, и что достаточно безболезненно старые ценности может воспринять только интеллигенция. Сами идеологи Пролеткульта были высокообразованны-

Пролеткульт и рабочий университет 317

ми людьми и пользовались этим наследием, педагоги для обучения пролеткультовцев набирались из интеллигентских кругов (например, в литературной студии преподавали символисты А. Белый и Вяч. Иванов и др.). При этом на местах звучали следующие рекомендации: *«Такие знатоки теории, как А. Белый и В. Брюсов... дальше технической подготовки наших грядущих поэтов и писателей — их пускать не следует...»*.

В этом конфликте Луначарский, с одной стороны, поддерживал Пролеткульт, а с другой стороны — осаживал его. В чём можно убедиться, прочитав статью Луначарского в газете «Известия ВЦИК» от 13 апреля 1919 г.: *«...Пролеткульт ни в каком случае не должен считать первые ростки пролетарского искусства и пролетарской мысли (за исключением данных на-*

Пролеткульт и рабочий университет 318
учного социализма) готовой ценностью и
пытаться заменить ими ценности куль-
туры предшествовавших ему эпох...».

И, тем не менее, Пролеткульту было предоставлено широкое финансирование — прежде всего, за счёт Наркомпроса, возглавлявшегося всё тем же Луначарским.

Так, на первое полугодие 1918 года Пролеткульту было выделено более 9(!) миллионов рублей; при этом на все высшие учебные заведения Наркомпросу выделялось около 17 млн руб. Только Московскому Пролеткульту на второе полугодие 1918 г. было выделено почти 2 миллиона рублей.

Напоминаем: молодая Республика Советов — в кольце врагов, ситуация крайне неустойчивая, но государственная власть думает о будущем, выращивает, формирует нового человека с его устремлениями к светло-

му будущему. Может быть, именно поэтому большевики выиграли гражданскую войну? Может быть, именно поэтому смогли в чудовищных условиях удержать власть и не дать погибнуть стране?

Однако, когда после гражданской войны потребовались средства на восстановление промышленности, ассигнования на народное просвещение сократились, это, конечно, задело и финансирование Пролеткульта.

Как следствие — резкое сокращение пролеткультов по всей стране. Свёртывание Пролеткульта началось уже при Ленине и далее приобрело весьма напряжённый характер. Финансирование Пролеткульта стало сокращаться с 1920 года, и в 1923 году (Ленин уже тяжело болен) в РСФСР оставалось лишь 22 пролеткульта. Число студийцев по сравнению с 1919 годом сократилось пример-

Пролеткульт и рабочий университет 320
но в пять раз.

Что-то в деятельности Пролеткульта тревожило партию, всё более приобретающую, по мнению Пролеткульта, бюрократический, а значит и отчасти антипролетарский характер. Доходило до того, что только в октябре 1920 года Политбюро трижды разбирает вопрос о Пролеткульте.

5–12 октября 1920 года в Москве проходил Первый Всероссийский съезд Пролеткультов. Как вспоминал Луначарский, накануне своего выступления на съезде он был принят Лениным, который настойчиво рекомендовал ему *«определённо указать, что Пролеткульт должен находиться под руководством Наркомпроса и рассматривать себя как его учреждение...»*. По мнению Луначарского, Ленин побаивался того, *«чтобы в Пролеткульте не свила себе гнезда*

Пролеткульт и рабочий университет 321
какая-нибудь политическая ересь».

И вот уже 1 декабря 1920 года «Правда» публикует письмо ЦК РКП (б) «О Пролеткультах»: *«Под видом «пролетарской культуры» рабочим преподносили буржуазные взгляды в философии (махизм). А в области искусства рабочим прививали нелепые, извращённые вкусы (футуризм)».*

Об этих и других противоречиях в культурно-идеологической сфере того времени мы расскажем в следующих статьях. А сейчас отметим, что «замах» пролетарской культуры на формирование нового человека был поистине грандиозным. Да и результаты тоже впечатляют.

Марина Волчкова